

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Август 2009 г.
№ 8 (20)

В.К. АРСЕНЬЕВ

МАСТЕРСКАЯ

• Владимир
КОЗАРОВЕЦКИЙ • (с. 4)

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

• Елена ГЛЕБОВА •
(с. 8)

ИСТОКИ

(с. 14)

СЛОВО НА СЪЕЗДЕ

• Галина ЯКУНИНА •
(с. 18)

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Бухта Ложная, о. Шикотан

Фото Ивана КОНЧАТНОГО, г. Арсеньев.

По страницам литизданий

• Валентин КУРБАТОВ •
(с. 21)

ПОЭЗИЯ

• Вера ГУНДАРЕВА •
(с. 29)

ПОЭЗИЯ

• Иван ШЕПЕТА •
(с. 31)

ПОЭЗИЯ

• Сергей ПАГЫН •
(с. 35)

Арифметика чувств

Геннадий БОГДАНОВ

Одно предложение из письма **Кирилла Ковальджи** – и понятна высота творческой планки нашей газеты: «Ежемесячник культурный, желаю удачи!»

Что ж, постараемся и дальше идти по творческому пути, совершенствуя своё мастерство.

Вполне достойная лирика **Анны Бондаревой** открывает поэтическую рубрику июльского номера «ЛитМ». Настроение стихов спокойное, августовское, с тихой печалью об уходящем. Особенно хороши стихи «Арифметика чувств», «Тебе, незнакомый» и «Этот август».

Актуальна статья **Эльвиры Кочетковой** в рубрике «Взгляд со стороны».

Как это ни печально, но в Хабаровской писательской организации дела обстоят никак не лучше.

Вера Аксёнова (по утверждению самого автора) не пишет стихи – она в них живёт. Почти все стихи ... о стихах и о многозначительности стихотворчества. На мой взгляд, наиболее интересное стихотворение «Туч летучие стада».

Наверное, будет правильным ничего не говорить о стихах **Михаила Гутмана**, тем более что **Галина Якунина** поведала нам о его странствиях в рубрике «Истоки». Стихи Гутмана надо читать. Выть хочется от тоски, зная, что нет с нами этого замечательного поэта.

Николай Сундеев новой подборкой своих стихов неплохо заявил о себе как о вдумчивом и наблюдательном художнике. Чего стоит, к примеру, его «Ночной самолёт» или прекрасное пейзажное стихотворение «В осеннем лесу»! А концовке этого стихотворения я просто позавидовал. Непонятно, как можно писать такие русские стихи, живя в Сан-Франциско...

Анна Петрова стала нашим постоянным автором. Встречаю её стихи как старых добрых знакомых. Подборка под заголовком «Доверие» написана ровно. В основном это размышление о жизни, о своём пути и долге перед людьми. Пожалуй, наиболее яркое стихотворение «Закружило». Хотя это только моё субъективное мнение. Мне кажется, в данной подборке А.Петровой мало метафор и ярких, запоминающихся образов. И потом, назидание в стихах не делает погоды – это касается стихотворений «Истина» и «Клятва».

Александр Балтин, судя по сведениям об авторе, поэт мирового масштаба – 20 поэтических книг и свыше 450 публикаций! Несомненно, автор талантлив. Стихи написаны легко, как бы играючи. В общем, обычный традиционный стиль и, пожалуй, не алхимия, а, скорее, акробатика и эквилибристика слов: «Иллюзии лживы/

Во все времена». При всём при этом пронзили моё сердце две строчки в самом конце: «И новое стихотворение/ Отдать молчанию не жаль».

Александр Золотарь смело можно поздравить с прекрасным дебютом в нашей газете. Все стихи в подборке одинаково хороши. Свежо, искренне и проникновенно, но не без юношеского максимализма пишет Александра. Дай Бог автору на жизненном пути не потерять вот такого неординарного восприятия души. Ну и, конечно же, пожелаем Александру Золотарю новых творческих находок и публикаций в «ЛитМ».

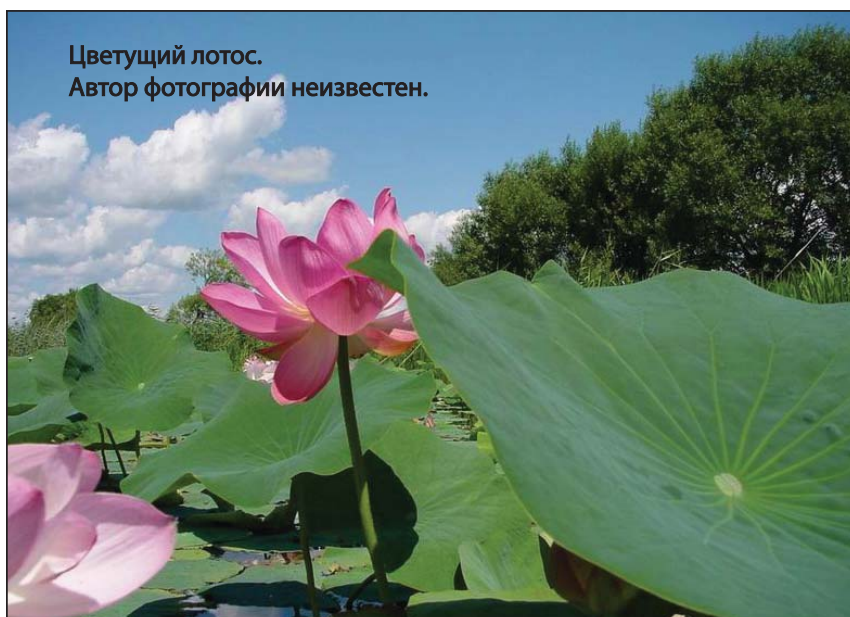
Валерий Брусов в длинной пасторали с юмором рассказывает о проведенном на природе отпуске. Пастораль хороша, но я бы заменил «скребки ручья» на более приемлемое «игру ручья». Ведь вполне можно услышать «игру ручья, ползущего в овраге», но никак не «скребки».

Людмила Берестова порадовала нас стихами для детей. Надо сказать, что в последнее время стало мало публикаций стихов для самых маленьких, да и мало авторов, пишущих такие нужные и весёлые стихи.

Софья Иосилевич в своих воспоминаниях являет пример настоящей, глубокой лирической поэзии, затрагивающей самые потаённые уголки человеческой души. Интересно, что в стихотворении «Всё чаще хороню друзей», пожалуй, больше света, чем скорби.

Надо сказать, что в июльском номере «ЛитМ» много интересных авторов и хороших стихов. Впереди ещё самое творческое время – август, а за ним – великолепие нашей дальневосточной осени.

Желаю всем здоровья, хорошего отдыха в бархатном сезоне и новых творческих удач!

Цветущий лотос.
Автор фотографии неизвестен.

НЕУЛОВИМАЯ «ВАРШАВЯНКА»

**Пётр ПУЗИН,
г. Владивосток**

В Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского первокурсники еще только постигают азы морской профессии, а вот курсанты старших курсов не только приобрели полезный производственный опыт на различных гражданских судах, но и, успешно пройдя военные сборы, торжественно приняли воинскую присягу.

В материале «Неуловимая "варшавянка"», предложенном для чтения, речь идёт о подводной лодке Б-248, ставшей первой в составе 19-й бригады ПЛ, той самой, на которой курсанты морского вуза постигают военную науку и становятся офицерами запаса.

Первый экипаж подводной лодки сформирован в сентябре 1979 года. Командиром был назначен капитан 1 ранга Василий Москалёв. Командиром боевой части-5 стал капитан-лейтенант Александр Суровкин, выпускник СВВМИУ 1973 года. До назначения на новостроящийся корабль в должности командира боевой части-5 находился два года, имел опыт плавания. Командиром моторной группы – выпускник ВВМИУ имени Ленина лейтенант-инженер Андрей Смирнов. До убытия на завод личный состав изучал подводную лодку по отчётной документации, имеющейся в соединении.

19 ноября 1979 года экипаж убыл на судостроительный завод имени Ленинского комсомола города Комсомольска-на-Амуре. По прибытии на завод был принят в состав соединения строящихся кораблей. К этому моменту подводная лодка была готова примерно на 30%. Всю подготовку личного состава в соединении строящихся кораблей можно разбить на четыре этапа.

На первом этапе личный состав изучил тактико-технические данные электромеханического оборудования, систем и устройств подводной лодки, а также инструкции по их эксплуатации. На втором этапе подготовки личный состав освоил расположение механизмов, устройств и систем по отсекам, одновременно занимаясь подготовкой в учебном центре.

На третьем этапе отрабатывались боевая и повседневная организация на берегу применительно к подводной лодке, задачи лёгководолазной подготовки. В это же время проводилась сдача зачётов на допуск к самостоятельному управлению боевыми постами, командами, подразделениями, боевыми частями.

Дежурно-вахтовая служба на подводной лодке была выставлена 15 сентября 1980 года после спуска её на воду и погрузки аккумуляторной батареи. На четвёртом этапе личный состав принимал участие в швартовых испытаниях материальной части, отрабатывал боевую и повседневную организацию, готовился к переходу подводной лодки на достроечную базу.

15 октября 1980 года от подводной лодки была принята задача Л-1. 4 ноября ПЛ прибыла на достроечную базу, где она была принята в состав соединения строящихся и ремонтирующихся подводных лодок. С 10 ноября 1980 года начались заводские, а затем, с 1 декабря 1980 года, государственные испытания, на которых личный состав продолжал осваивать подводную лодку. 31 декабря 1980 года «ВАРШАВЯНКА» была принята в состав ВМФ СССР.

17 ноября 1981 года головная подводная лодка произвела погружение на предельную глубину 300 метров. 22 апреля 1981 года субмарина прибыла к месту постоянного базирования и приступила к обработке курса боевой подготовки. Личный состав последующих экипажей перед отправкой на завод строитель проходил стажировку на головной подводной лодке со сдачей задачи Л-1. Из состава экипажей направлялись командиры подводных лодок, командиры боевых частей-5, командиры моторных групп, старшины команд, командиры отделений и техники-телемеханики. Дальнейшая подготовка экипажей проводилась в учебном центре и на заводе. За годы службы ПЛ этого проекта стали одним из лучших в своём классе субмарин. Гидроакустики ВМС США прозвали «ВАРШАВЯНКУ» «черной дырой», по той простой причине, что не могли запеленговать местонахождение подлодки.

Об одном стихотворении Ольги Седаковой

По материалам сайта Поэзия.ру
<http://www.poezia.ru/article.php?sid=61094>

Почему для разговора об Ольге Седаковой я остановился именно на этом стихотворении? Причина – в его пронзительности; возможно, это одно из лучших ее стихотворений (она и сейчас на своих выступлениях его иногда читает). А о поэте судят по лучшим стихам.

Итак, перед нами стихотворение, написанное, судя по датировке сборника, из которого оно взято, не ранее 1978 – 79 гг. и посвященное В.Аксюцицу (и год публикации, и имя того, кому оно посвящено, имеют существенное значение: примерно в это время Аксюцица чуть не посадили за распространение самиздата):

НИ ТЕМНОЙ СТАРИНЫ ЗАВЕТНЫЕ ПРЕДАНЬЯ...

В.Аксюцицу

*Есть странная привязанность к земле,
Нелюбящей, быть может, обреченной.
И ни родной язык, в его молочной мгле
Играющий купелью возмущенной,
Не столько дорог мне. Ни ветхие черты
Давно прошедшей нищеты,
Премудрости неразличенной.
И ни поля, где сеялась тоска
И где шумит несжатым хлебом
Свои сказания бесчисленной песка
Вина перед землей и небом:*

*– О, не надейся, что тебя спасут:
Мы малодушны и убоги.
Один святой полюбит Божий суд
И хвалит казнь, к какой его везут,
И ветер на пустой дороге.*

Концовка первой части стихотворения, со «сказаньями бесчисленной песка» и с «несжатым хлебом» вины, – замечательная; да и начало заденет едва ли не каждого: и в самом деле, наша привязанность к этой земле, так часто «нелюбящей» нас, – действительно «странная». (Хотя слова «родной язык... не столько дорог мне» сводят на нет библейскую ассоциацию с «купелью возмущенной», и без того сомнительной, и, более того, вызывают подозрение в некоторой позе: ведь «родной

язык» для поэта – это не просто составная часть того, что им подразумевается под словами «родная земля».) Не смущают меня и литературные «адреса» – ни открыто заявленный названием лермонтовский («Люблю отчизну я, но странною любовью!...») с его тоже тройным «ни» после отрицания «Не победит ее рассудок мой...», ни мандельштамовский, чем-то опосредованно отзывающийся в «молочной мгле», ни пушкинские, постоянно и незримо у нее присутствующие: тем ценнее на этом фоне пронзительность строк, где слышен свой голос, например – заключительных строк стихотворения, особенно – последней.

Но кое-что у меня все-таки вызывает недоуменные вопросы, и (в первой части) прежде всего – «ветхие черты давно прошедшей нищеты» и «поля, где сеялась тоска». Можно сделать вывод, что, поскольку ко времени написания стихотворения нищета (в общепринятом значении этого слова) у нас не только не прошла, но лишь распространилась, речь у Седаковой идет о нищете в библейском понимании – нищете духовной («блаженны нищие духом» – то есть просящие его, смиренные); этот смысл поддерживается и следующей строкой: «премудрости неразличенной». Но как это согласовать с «давно прошедшей»? И с «ветхими чертами»? Ведь такая нищета непреходяща – всегда есть алчущие духа (иначе к кому она обращается своими стихами?), а «ветхие черты» противоречат и такой «нищете», и «давно прошедшей»; тем более мало уместно это определение и по отношению к «премудрости неразличенной».

Существует и другое толкование слов «блаженны нищие духом» – как «блаженны обнищавшие, все отдавшие или раздавшие – вплоть до нищеты, сделавшие это благодаря своей высочайшей духовности», хотя с русской грамматикой это и не согласуется. Однако, допустив саму возможность такого истолкования, мы видим, что «ветхие черты давно прошедшей нищеты» с таким пониманием этих слов согласуются еще меньше: в этом случае можно было бы подумать, что в России раздача собственного имущества до последней нитки когда-то («ветхие черты») была типичным явлением. Между тем такая высокая духовность чрезвычайно редка во все времена – и во все времена непреходяща.

Что же до «тоски», то она вполне могла бы сеяться, но, если исходить из сути этого слова, разве посев тоски всходит «виной перед землей и небом»? Разве не посев всех наших бесконечных грехов, всех наших проступков

перед Богом и людьми? И, больше того, разве тоска как следствие «вины перед землей и небом» не есть «сухой остаток» этого несжатого «урожая»? Если исходить непосредственно из церковного понимания уныния как одного из самых тяжелых грехов (падение духом, отчаянье, потеря надежды, нежелание жить, конечно же, впрямую противоречит воле Божьей), то тоска (по Далю – «стеснение духа, томление души, мучительная грусть, душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горечь, печаль, нойка сердца, скорбь») – менее всего грех и уж во всяком случае не тот грех, вина за который так глобальна, что ее самовыражению подошел бы эпитет распространенности «бесчисленной песка». Даже если современное значение этого слова изменилось в сторону усиления сопутствующих качеств состояния души и духа.

Ощущение такое, что поэт иногда ведет не смысл, а рифма и звучание слова, что не только не противопоставлено поэзии, а является ее основой – но только при контроле со стороны смысла. Все же в любой речи, в том числе и поэтической, последнее слово за ним (если только не сводить творчество к игре языка «в его молочной мгле», полагая, что наш язык – еще во младенчестве). Неточность мысли может сделать смысл всего стихотворения темным, приблизительным, с флером чрезмерной многозначительности. Но есть и еще одна «ветхая черта», как мне кажется, свойственная поэзии Ольги Седаковой: она иногда пользуется словом не в его современном смысле, а в том, какой оно имеет только в церковно-славянском. В этом не было бы беды, если бы не такое использование слова наряду с почти сленговым, современным словоупотреблением в одном стихотворении, а то и в соседних строчках.

К примеру, выражение «один святой полюбит Божий суд» (само по себе замечательное, поэтически-афористичное), где слова «один святой» сказаны абсолютно современно, в смысле только святой, – это выражение невольно подводит нас к современному же пониманию слова «хвалит» в следующей строке – «и хвалит казнь, к какой его везут», что, конечно же, Седакова не могла иметь в виду: в современном русском у этого слова явно приземленный, бытовой оттенок, и «хвалить казнь», где хвалить – с таким оттенком, было бы очевидным недоумением – вроде похвалы остроте топора или намыленности веревки. На самом деле она использовала это слово в церковно-славянском, высоком значении, которое, оставшись в молитвах, из современного русского языка уже ушло: славит. Ну что ж, поэт вправе смешивать самые разные языковые пласты, вот только такое постоянное «переключение» не будет способствовать ни рациональному, ни эмоциональному пониманию стихотворения у многих читателей, существенно ограничивая их круг.

И последнее. Перед второй частью стихотворения стоит тире, выделяющее прямую речь. Кем произносятся, к кому обращены эти слова и каков их смысл?

Слово «спасут» в выражении «О, не надейся, что тебя спасут: мы малодушны и убоги...» употреблено в «разговорном» значении: слова после двоеточия дают основание полагать, что здесь речь идет о каком-то

буквальном, земном спасении – несмотря на то, что в следующей же строке стоят слова о Божьем суде. Двоеточие является здесь границей следующего логического шага, который не позволяет отнести эти слова ни к сказанным кем-то – поэту, ни поэтом – кому-то или самому себе. В самом деле, если бы речь шла о человеке и о другом, истинном спасении (именно его мы имеем в виду, когда пишем Спаситель с большой буквы), искренность самоуничтожения, смирения в словах «мы малодушны и убоги» давала бы надежду на спасение. Эта надежда оставалась бы – вне зависимости от того, кем и кому эти слова сказаны, – если только произносящий их не ханжа, чего и я ни на секунду не могу предположить и что исключается тональностью стихотворения; скорей уж я готов поймать поэта на обыкновенном противоречии. Таким образом, единственно, когда такое употребление слова «спасут» не противоречит второй части фразы («мы малодушны и убоги»), – это при обращении к земле (что хорошо согласуется с началом стихотворения: «Есть странная привязанность к земле, нелюбящей, быть может, обреченной...»); но при этом «обреченность» земли из возможной превращается в окончательную («не надейся, что тебя спасут»).

Если я правильно понял Седакову (а другого, непротиворечивого понимания этого места я не нашел), то ее мысль «малодушна и убога». Судьба нашей страны, так же как и судьбы отдельных людей, – в воле Божьей, и эта земля может быть спасена. Не только надежда на личное спасение, но и надежда на спасение этой земли держит нас здесь и поддерживает в жизни; в противном случае и наше личное спасение на этой земле – проблематично. Но это – не единственное, что вызывает недоумение в последних строках стихотворения.

Как бы ни отвечать на вопрос, кому принадлежит и к кому отнесено обращение (речь идет обо всех пяти строках, поскольку они все стоят после тире и ни в одном месте не разделены между собой «воздухом»), между словами «О, не надейся, что тебя спасут: мы малодушны и убоги...» и словами «один святой полюбит Божий суд...» – провал: они между собой не связаны мыслью. В противном случае следовало бы полагать, что у Седаковой речь идет о невозможности спасения для любого, кто не станет славить собственную казнь, и спасутся только святые.

Не правда ли, все это довольно странно? При наличии явно талантливых отдельных строк в целом стихотворение провалено. Поговорка о ложке дегтя в бочке меда к стихам имеет прямое отношение: достаточно одной очевидной неточности, одного камня преткновения, чтобы читатель споткнулся, потеряв нить эмоционального восприятия, а задумавшись, еще и остался в недоумении. Таково свойство стихов, и кому, как не поэтам, знать, как трудно иногда бывает найти нужное, единственное слово, не пришедшее сразу, но без которого стихотворение нельзя выпускать из рук. Замена даже одного нужного слова приблизительным ведет к приблизительности смысла, к его темноте и ложной многозначительности; что же говорить о стихотворении, где приблизительность, разорванность мысли так часты.

Разумеется, я разбирал стихотворение с точки зрения

подхода к художественному образу (а стихотворение и есть художественный образ) как некоей цельности, внутри которой действуют законы логики и движения мысли, – то есть подходил к нему с точки зрения разумного, принципиально понимаемого и постигаемого. С этой точки зрения стихотворение действительно разваливается на отдельные строки, не всегда связанные смыслом, и даже пронзительность некоторых удачных не спасает его в целом. Остается предположить, что мой подход не соответствует способу его написания, что я рассматриваю стихотворение «не с той точки», что его надо рассматривать с точки зрения доразумного или за-разумного – то есть бессмысленно искать в нем какой-то рациональный смысл. Тем более что Седакова и сама декларирует заведомую темноту и «непонятность» своих стихов как принципиальную установку.

В таком случае все претензии к «неточным» словам и строкам повисают в воздухе, пролетев мимо стихотворения, а весь мой разбор – мимо поэта. Однако, вновь и вновь перечитывая стихотворение, я вижу, что в данном случае такой подход был бы лукавым. В том-то и дело, что лучшие строки в нем – те, где смысл очевиден, где нет никакой темноты, где мысль поэта свободно движется, подержанная каждым словом – даже если это слово не из общепринятого словаря. Ничего не стоит записать упомянутые строки в таком, например, виде:

*Один святой полюбит Божий суд
И славит казнь, к какой его везут...*

Эти строки бесспорно талантливые. Однако уже следующая строка (И ветер на пустой дороге), замечательная сама по себе, сразу дающая картину и настроение и концовке, и всему стихотворению, будучи связанной грамматически с предыдущими двумя, «подвисает»: хвалить (в его значении, соответствующем Божьему суду) ветер – явный перебор (как хвалить Божий суд в обычном разговорном значении этого глагола – явный недобор). Оказалось, что найденное слово, являющееся обобщающим глаголом, в каждом его значении годится для одной строки и не годится для другой. Другого, нужного слова не нашлось, и все было оставлено, как есть. Это и есть истинная причина невыраженности смысла отдельных мест и всего стихотворения.

Как это происходит? Что это – недостаток мастерства или следствие абсолютного доверия к своему таланту, уверенность, что любое, даже приблизительно сказанное ею слово несет истинный смысл, иррационально восполняя прерывистость движения мысли? Я думаю – ни то, ни другое. На мой взгляд, дело обстоит несколько иначе. Седакова, однажды уверовав в свое предназначение (вполне возможно, что не без ос-

нования) и встав в позу истинного поэта (а это всегда некий театральный жест: вдруг взять да и заговорить стихами), вышла за пределы своего диапазона, взяла слишком высоко – да так и продолжает петь. Когда ее голос попадает в допускаемый ее возможностями диапазон тональностей, мы слышим естественный голос в его неподдельном звучании, но за его пределами пение фальшиво. Что же касается обожателей ее поэзии, то, видимо, это особая категория читателей с разорванным сознанием, в принципе неспособных воспринимать художественный образ в цельности и предпочитающих ей дробность и псевдозначительность. И больше всего пищи дают ее стихи филологической части этой читающей публики, поскольку темнота и ложная многозначительность предоставляют необыкновенно широкий простор для всевозможных умозрительных построений и диссертаций.

Казалось бы, стихотворение насковзь противоречиво. Но вот парадокс: оно, тем не менее, держится – держится искренней интонацией, очевидным переживанием в удачных строчках – пусть и «в молочной мгле». Можно такой констатацией и ограничиться. Тот, кто предпочитает не задумываться над смыслом стихов Седаковой, лишь следуя за их звуковой ворожкой, может с успехом продолжать делать то же самое. Те же, для кого поэтическая речь от смысла неотделима, должны быть предупреждены, что в ее стихах они могут смысл и не разыскать. Просто Седакова – такой поэт.

Желторотик.

Фото Сергея Юдинцева, г. Владивосток

В начале войны тысяча девятьсот сорок первого года немецкие войска стремились окружить и взять Москву. Армия Гудериана наступала с юго-запада. Бронированно-механизированные части рвались к Туле, с ходу обойдя Орёл, вышли в тыл нашим войскам на направлении Тула – Москва с юга. Тула сдаваться не собиралась, те, кто мог носить оружие, ушли в ополчение. Создано было несколько полков ополчения. Туляки, жители сёл и малых городов не могли допустить, чтобы Тулу взял враг. Этот город ни разу никому не сдавался.

Бои начались под Епифанью, Богородицком, Венёвом и древним городищем Россов-Дедовском, недалеко от большого села Дедилово. Дедовск располагался на холме, что являлся самым высоким местом в округе. Старые люди говорили, что это был славный город Дедославль, сейчас летопись вроде утеряна. Там, в сорока километрах от Тулы, и развернулись жесточайшие бои с фашистскими захватчиками. Земля стонала день и ночь. Зареве даже днём виднелось со станции Товарково из деревни Павловка. В этой деревне и жила моя бабушка Варвара Сергеевна. Было у неё много детей, да после войны осталось, как она говорила, трое: Иван, который и построил в 1931 – 1932 годах дом из дуба, Михаил и младшая дочь, которой шёл четырнадцатый год.

В армии Гудериана было более тысячи четырёхсот танков и другой бронетехники. Описываю это со слов бывалых людей, так как до настоящего времени ещё не освещены эти жесточайшие бои под Дедославлем.

За неделю до прихода немцев на станцию Товарково, что в трёх километрах от деревни Павловка, пригнали три эшелона с углём (кокс), сеном и дровами. Чтоб это не досталось врагу (за Богородицком железная дорога была захвачена немцами), местное руководство решило раздать всё населению, может, пригодится и сохранятся.

Моя бабушка работала в колхозе имени XVII партсъезда, в нашей деревне. Там же, в колхозе, работала и её дочь, моя будущая мама. Они вдвоём после работы до двух-трёх часов ночи носили уголь, сено и дрова со станции Товарково. Складывали всё на чердаке, в подполе. Чердак, как и пол, был устан досками, что было редкостью в деревне. А сыновей призвали на сборные пункты. Так и получились не дом, а пороховая бочка. Тогда никто не думал, что достаточно одной пули, и дом превратится в огромный костёр.

Колхозное начальство ночью привезло двух породистых, элитных свиноматок.

- Варвара, сбереги. Нет возможности вывезти.
- Как же сберечь-то?
- А мы ночью их поэтому и привезли, чтоб не видели.

Лёжа на телегах, свиноматки молчали. Мужики сволокли свиноматок в дом, за печку, в подпол.

- Что ж я с ними делать буду?
- Вот канистра со спиртом. Вари картошку, барду и подмешивай спирт, но лучше самогон, он сильнее пахнет.

О поросятах никто не знал. А те, кто привёз, уехали в эвакуацию.

Неделями бабушка с дочерью варили варево с очень сильным запахом: из жома сахарной свёклы. Завод был в четырёх километрах. Кормили свиней, добавляя спирт, чтоб молчали. Иногда в деревню заходили немцы, то раненые, то проходящие на фронт, но сильный запах от варёва жома, сахарной свёклы, брюквы и грязные лица да ещё зловоние от поросят делали воздух в доме ужасным. Немцы, едва войдя, бежали из дома ругаясь.

Бои под Дедославлем были жесточайшие. Тамошние жители говорили: танки Гудериана вязли в телах ополченцев. У защитников было только одно оружие – зажигательные бутылки, или, как их впоследствии называли, «коктейль Молотова».

От своей армии Гудериан недосчитался более трети танков. Это привело фашистского генерала в бешенство. Он приказал стереть с лица земли руины Дедославля и засыпать все овраги, которые были доверху наполнены убитыми ополченцами и немецкими солдатами. Второго – пятого декабря 1941 года немцев отбросили от Москвы и Тулы на пятьдесят и более километров подошедшие сибирские войска. Туляки своими жизнями остановили бронированные полчища фашистов. После войны мы, пацаны, лазили по оврагам и находили винтовки, которые не брали, а искали пистолеты. Служа в связи я часто находил их проржавелые. Тогда, при отходе, немцы не задержались под Богородицком и быстро, за сутки, откатились. Через деревню проходила немецкая команда, которая жгла дома и все постройки. Бабушка спрятала дочь в подполе, где находились свиньи. Сама же собрала соседей, дальних родственников и объяснила: «Просите не жечь дома, зима ж на дворе». Подошли несколько немцев с офицером, со странными железными палками-факелами, за спиной были бачки. При направлении на строение из этих «железков» вырывалось огромное пламя, и всё горело вместе с землёй. Тогда, видно, бабушка не думала о дочери, а испугалась за свиноматок, да и дом набит углём.

Кинулась в ноги и стала слёзно молить нехристей, чтоб пощадил и не жгли дома. Наверное, вид в лохмотьях у бабушки был страшен. Слёзы размазали сажу по лицу. Немец крикнул: «Матка! Раз, два – нет, а потом – через один». И пошли жечь. Жители пытались тушить огонь, охвативший дом, да он сильнее разгорался.

Моя бабушка с дочерью и спасли колхозных свиноматок, и не только их: все, у кого сгорели дома, жили у бабушки в доме. Спали кто на полу, кто на настилах.

Никто так и не догадался, что за печкой, в подполе, живут свиньи. Бабушка варила картошку, брюкву, жом свёклы, добавляла самогон и кормила всех: и людей, и поросят. Так моя мама до конца года и прожила с поросятами за печкой. За это и за дальнейшую работу в колхозе была она награждена медалью, где было написано: «Наше дело правое», а на обратной стороне: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Моей маме тогда награду не дали, как несовершеннолетней, хотя она вместе с бабушкой работала в колхозе до 1948 года. А свиноматок забрали только в 1947 году.

В конце восьмидесятых годов, после смерти бабушки, мне и сестре удалось доказать, что мама имеет такие же права на эту медаль. В архивах ничего не было, случайно нашёл записи трудовой 1941–1942 годов.

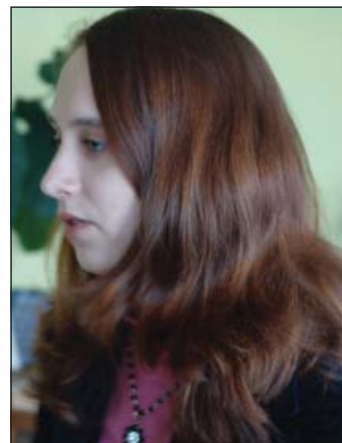
Через сорок лет я был в своей деревне. Дом стоит. Снаружи дуб звенит, а вот изнутри он сопреп более чем наполовину от постоянных испарений при варке пищи для свиней. Мама жила под Дедославлем, в Киреевском районе, в в шахтёрском городке с ласковым названием Липки. У мамы нас, детей, пятеро. Всех она, как говорится, выучила и вывела в люди. После войны работала не покладая рук в приёмном отделении больницы лет пятнадцать, потом ещё лет десять в терапевтическом отделении той же больницы города Липки.

Вот как они доставались, награды, медали, ордена, нашим солдатам и тем, кто работал в тылу. Это – не побрякушки.

ДОРОГИ, ВЫБРАННЫЕ НАМИ

/ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ/

VI автопробег общественности, посвящённый дням славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке (24 мая – 6 июня 2009 г.)

Елена ГЛЕБОВА,
г. Владивосток

Автопробег, посвященный Дням славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке, проект уникальный, основанный настоящими патриотами. Вот уже шесть лет он объединяет интересных и талантливых людей вокруг общего дела – возрождения родной культуры и национального самосознания. Организаторами проекта являются: администрация Приморского края, Владивостокская епархия Русской Православной Церкви, Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского, Приморский фонд культуры. В организационный комитет вошли: А.В. Смирнов – заместитель начальника управления внутренней политики Приморского края (председатель); С.А. Огай – ректор МГУ имени адмирала Г.И. Невельского (заместитель председателя); М.А. Афиногенова – председатель Приморского краевого фонда культуры (заместитель председателя); Андрей Метелёв – иерей храма святых равноапостольных Кирилла и Мефодия; В.М. Тыцких – писатель (руководитель автопробега); С.М. Юдинцев – начальник штаба автопробега; В.С. Листровой – фотохудожник (Лесозаводск); С.Я. Ющенко – главный редактор газеты «Победа» (Лучегорск); Л.В. Бадюк – директор музея А.А. Фадеева (Чугуевка); А.В. Кухаренко – ЛИТО «Родник» (Партизанск); Н.В. Щербак – начальник отдела культуры Спасского района.

Основная задача проекта – нести в массы высокое русское слово, давая людям возможность почувствовать себя славянами по крови и по духу. Благодаря тому, что участники «крестного хода на колёсах» представители различных творческих направлений, программа встреч получилась полной и качественной. Лучшее тому подтверждение – живое участие людей на местах. По тому, с какой радостью и гостеприимством встречали автопробег в городах и сёлах Приморского края, стало ясно, что всё это чрезвычайно нужно и важно.

ВЛАДИВОСТОК

24 мая после литургии в храме Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия колонна автопробега торжественно выехала с территории Православной гимназии и отправилась по библиотекам города. Получились четыре ярких и незабываемых творческих встречи. Да по-другому просто не могло быть, ведь каждый участник уникален, будь то писатель, поэт, актёр или музыкант. А благодаря руководителю автопробега **Владимиру Михайловичу Тыцких**, который одновременно является ещё и организатором и ведущим, каждая встреча неповторима, развивается по своему особому сценарию, по сути – это экспромт, даже сами участники не знают, когда и что им придётся говорить или петь. Хотелось бы заметить, что все, кто принимает участие в программе, тоже считаются участниками автопробега.

Если не сказать несколько слов непосредственно об участниках, то картина происходящего окажется непол-

ной. Видя этих людей, чувствуешь гордость за свой город и радость, что живёшь рядом с ними и имеешь возможность соприкоснуться с их творчеством, да ещё и при живом общении. Ни об одном из них нельзя промолчать. **Сергей Барабаш** не только серьезный и глубокий поэт, но и интереснейший прозаик, автор книги повестей и рассказов «Избранное», где наиболее значимое произведение «Командир инвалидной команды» – о событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. С. Барабаш собирал информацию много лет, скрупулёзно изучая как отечественные, так и немецкие источники. По этой причине его произведение представляет немалый художественный и исторический интерес.

Невозможно остаться равнодушным к поэзии **Галины Якуниной**, каждое её стихотворение оставляет неизгладимое впечатление. Это настоящая поэзия. Самый юный, но уже бывалый участник автопробега **Серёжа Кузнецов** – аккордеонист из Лесозаводска. Однажды

во время гастролей по Чугуевскому району в одном из сёл Сережа и **Нина Назаренко** (студентка МГУ им. адм. Г.И. Невельского), можно сказать, спасли программу. Дело в том, что аудитория оказалась разновозрастной, поэтому встал вопрос, какой репертуар выбрать, с чего начать, чтобы охватить всех? После короткой паузы Сережа с Ниной начали играть на аккордеонах, а спустя несколько минут вся аудитория пела. В следующем году участники автопробега были приятно удивлены: в репертуаре сельчан появились новые песни, услышанные ими на прошлой встрече с автопробегом. Отец Сережи Кузнецова бард **Виктор Костин** – это настоящий реактор вырывающихся из души чувств, когда эта невероятная энергия достигает предела, рвутся струны. Земляк Костина бард **Сергей Сидоренко** – его песни наполнены необыкновенной душевностью и житейской мудростью. Поэтесса **Эльвира Кочеткова**, кандидат физико-математических наук, пишет удивительно добрые и теплые стихи. **Вячеслав Протасов** прочёл отрывки из будущей поэтической книги, в которой домашний верный пёс рассказывает о своём лучшем друге – мальчике. Очень ярко и энергично в общей композиции смотрелось трио «**Сирены**» департамента информации и печати МГУ им. адм. Г.И. Невельского. **Светлана Капинос** пишет славянское фентэзи для детей, это не языческое фентэзи, а альтернативное, основанное на христианской традиции.

Отец Андрей (Метелёв) говорил о православии и славянской письменности

Православный священник **отец Андрей (Метелёв)** говорил на встречах о духовном значении Дней славянской письменности и культуры, о том, что даже само слово «культура» произошло от слова «культ», а на Руси испокон веков был культ Христа, что накладывает свой отпечаток на все сферы деятельности русского человека, на его творчество, даже неосознанно. И, конечно, отец Андрей не мог забыть про Кирилла и Мефодия, создателей славянской письменности. О. Андрей – один из ветеранов автопробега. За все годы, что существует этот проект, он не поехал лишь однажды.

Только этот день все участники работали вместе, завтра надо было разделиться на два маршрута: Владивосток – Спасск-Дальний – Дальнереченск – Лучегорск – Лесозаводск – Черниговка – Камень-Рыболов – Уссурийск – Арсеньев – Чугуевка – Владивосток и Владивосток – Фокино – Находка – Врангель – Партизанск – Углекаменск – Дунай – Уссурийск – Арсеньев – Чугуевка – Владивосток.

НАЧАЛО ПУТИ

25 мая после торжественного молебна у памятника святым Кириллу и Мефодию первый маршрут начал свой путь по приморской земле. Наш экипаж состоял из пяти человек: отец Андрей, журналист Сергей Юдинцев, бард Сергей Сидоренко, актриса Екатерина Кучук и автор этих строк, филолог **Елена Глебова**. В промозглое туманное утро мы выехали из Владивостока, но чуть раньше сфотографировались со скульптором **Эдуардом Барсеговым**, автором памятника Кириллу и Мефодию.

Актриса Екатерина Кучук разыгрывала сценки вместе с ребятнёй

Дальнереченские мальчишки и девчонки были и зрителями, и участниками театрального действия

МИХАЙЛОВКА

Эта встреча в приходе **отца Александра (Власова)** стала первой на пути к Спасскому району. В плане заезд не значился, но мы решили навестить обитателей прихода. Прямо у машин состоялся скромный обед с сухим пайком и чаем. Батюшка рассказал о своём небольшом хозяйстве, показал двор. Сергей Сидоренко исполнил песни из программного репертуара. Оставив в приходе на память вымпел, нагрудный значок и книгу о прошлогоднем автопробеге «Мир нашему слову», тепло попрощались и продолжили путь.

СПАССК-ДАЛЬНИЙ

Спасский район встретил прекрасной солнечной погодой с распахнутыми дверями Дома культуры «Радуга» села Прохоры. Следующая на маршруте – воинская часть на станции Кнорринг. Надо было видеть, с каким искренним переживанием слушали воины-контрактники актрису литературного театра **Екатерину Кучук**, читающую «Метель» А.С. Пушкина. Они явно были захвачены интригой этого произведения, и неожиданный конец повести тоже произвел на них неизгладимое впечатление.

На следующий день в Чкаловском мы познакомились с **отцом Павлом**. Он отдал в наше распоряжение свою квартиру. Отец Павел был нашим проводником и советчиком во время выступлений в доме престарелых, зеленодольском Доме культуры и в УЦ 267/39. В Зеленом доле на встречу с участниками автопробега собрались дети, в том числе из детского дома, они приготовили собственную интересную вокальную программу, а после

нашего выступления было приятно получить из рук хозяев ароматные букеты сирени.

После Зеленого Дола мы отправились в УЦ. При виде высокого забора, трех рядов колючей проволоки, наблюдательных вышек, огромной овчарки, прогуливающейся между забором и «колючкой», охватывают тревожные чувства. Это напряжение не спадало, пока нам делали пропуска, я первый раз видела зону не по телевизору. К окошечку, где выдавали пропуска, запускали по трое, и так в каждую дверь пока мы не попали на территорию самой зоны. Когда мы оказались на территории, ярко светило солнце, а вокруг нас ходило множество черных фигур. Выступление прошло хорошо и довольно быстро, наших слушателей ждал обед и развод на работы. Мы вновь проделали путь до заветного окошечка, сдали пропуска и оказались на свободе.

ДАЛЬНЕРЕЧЕНСК

27 мая прибыли в Дальнереченск. Вначале побывали в гостях у местного батюшки **отца Андрея**, потом поехали на пресс-конференцию. После того как мы ответили на вопросы журналистов, от имени администрации города каждому из нас подарили уникальную книгу «Даманская сталь», посвященную 40-летию подвига героев-пограничников и воинов Советской Армии на реке Уссури в марте 1969 года, отразивших вооруженное вторжение маоистских провокаторов на территорию СССР. Затем мы посетили мемориальный комплекс героям-даманцам и Военный музей. Напитавшись патриотическим духом, отправились в детский дом, где нас ждали с нетерпением...

Бард Сергей Сидоренко исполнял песни, понятные и взрослым и детям

Несмотря на юный возраст, аккордеонист Серёжа Кузнецов имеет за плечами многолетний «автопробежный» стаж (на снимке слева)

ЛУЧЕГОРСК

Поздно вечером мы прибыли в Лучегорск и расположились в приходе **отца Сергия**. Утром следующего дня отправились на погранзаставу. После выступления мне удалось побывать на смотровой вышке, это очень высоко, а потому взбираться на самый верх было жутковато. После погранзаставы мы побывали в двух «Ласточках»: в первой набрали воды из источника, а во второй – выступили перед творческим активом литературного объединения «Ласточка», которое отметило свой десятилетний юбилей.

29 мая в Федосьевке нас встретили хлебом–солью и напевными украинскими песнями, которые задушевно исполнил народный ансамбль. Вообще очень радуется, что существуют в нашем крае такие певческие коллективы. В Новостройке нас также встречал ансамбль, исполнивший русские народные песни. Буквально накануне отъезда в клуб прибежал третьеклассник **Андрей Исаченко** и под аккордеон спел «Калинку». Он оказался разносторонне развитым имышленым мальчишкой: и о братьях салунских он всё знает, и о славянской письменности наслышан... Отец Андрей (Метелёв) долго беседовал с тёзкой и знания его оценил по достоинству – вручил ему много разных подарков.

ЛЕСОЗАВОДСК

30 мая мы были в Лесозаводске. Ведомые фотохудожником **Владимиром Листровым**, побывали на открытии выставки народного искусства в Музее истории Лесозаводска, которая посвящалась Дням славянской письменности и культуры, выступили в детском доме и городской библиотеке. После концерта в детском реабилитационном центре «Жемчужинка» к нам подошёл подросток, интересующийся гитарой. Сергей Сидоренко пообещал подарить ему гитару и научить аккордам. Сразу после окончания автопробега он сдержал своё слово.

На станции Ружино в детском доме нас ждали удивительные дети, ватагой ввалившиеся в зрительный зал

– приехали прямо с футбольного турнира и привезли с собой чемпионский кубок, а потом победители показали своё сценическое мастерство. Оказалось, что они поют, танцуют и творят чудеса акробатики!..

ЧЕРНИГОВКА

Уже в полной темноте и под морозящим дождем мы заехали на приход в селе Черниговка, где поздних гостей грозным лаем встретил сторожевой пёс. Велико было наше удивление, когда утром 31 мая, после литургии выйдя из храма, мы увидели, что тот же самый пёс добродушно играет с нашим бардом Сергеем Сидоренко. Выступив перед прихожанами, наша творческая группа отправилась в Камень-Рыболов, где в Доме детского творчества состоялась встреча с местными писателями, поэтами и бардами.

УССУРИЙСК

1 июня актриса Екатерина Кучук участвовала в программе, посвящённой Дню защиты детей, в Доме культуры, а остальная группа встретилась с учащимися ПУ №57, после чего кортеж двинулся на Уссурийск, где произошло соединение двух маршрутов. Встреча получилась очень радостная! Приятно было увидеть Владимира Тыцких, Юрия Кабанкова, Сергея Барабаша, Эльвиру Кочеткову и других. Участники второго маршрута провели встречу с преподавателями и студентами УГПИ и совместно с нами – в казачьей управе.

Автопробег держал путь в Арсеньев и Чугуевку. Отец Андрей, Сергей Юдинцев, Екатерина Кучук и я вернулись во Владивосток. Из всего экипажа первого маршрута продолжил путь на своем стареньком «Москвиче» лишь Сергей Сидоренко.

Мы ненадолго расстались. И само собой получилось стихотворение, которым я заканчиваю свои путевые заметки.

*Товарищ мой, как трудно расставаться,
Не зная, когда встретимся опять.
И остаётся лишь друг другу улыбаться
И грусть разлуки по глазам читать.*

*Ну вот и всё. Лишь на прощанье фото.
И ворох слов как будто ни о чём.
Но нет, в душе ещё осталось что-то,
И все тревоги стали ничем!*

*Над головой парят воспоминанья,
И в каждом столько света и тепла!
В пяти сердцах загаданы желанья,
Чтоб наша встреча вновь произошла.*

*Придёт пора загаданных желаний,
Как первый луч пробудит ото сна.
И будет много новых расставаний
И о свиданье вечная мечта.*

Фотографии

С. Юдинцева, Э. Кочетковой, Е. Глебовой.

ВЫТЯНЕМ!

Юрий ЛЮБУШКИН,
г. Николаевск-на-Амуре,
Восточное Поморье.

Вспоминая 1999 г.
(То ли сказка, то ли быль)

1.

Ах юбилеи, юбилеи этого года!... Пышные и не очень, официально-скучноватые, обильные на слова и вовсе упомянутые походя, все... А впрочем, по привычке мы жить круглыми датами. И, пожалуй, нам никуда не уйти от них: дурная привычка затягивает. Въелась в наше существо «юбилейная» чехарда хуже повседневной российской грязи. Ни уйти, ни убежать от нее, одно лишь остается: воспринять, как должное. Так и с юбилеями... Нет чтоб человеку при жизни воздать, пособить всем миром или помочь хоть добрым словом, сочувствием тем же, мы же воздаем дань пророкам только в дни торжественных юбилеев, когда самого виновника торжества с нами то давным-давно и в помине нет.

Так и в этом году, ничем не примечательном в серости российских будней, – юбилей за юбилеем. Говорю, пишу так, хотя вовсе не хочу обидеть память самих великих людей, таковыми при жизни почему-то не считавшимися. Ну не считавшимися – все тут...

Вот и Шукшину Василь Макарычу «прогремел» на всю Россию-матушку семидесятилетний день рождения. Отгрохали... А, в общем, что ж, заслужил... Заслужил, как и всенародное признание, одним лишь уважительным обращением к нему навсегда, на веки вечные – «Макарыч»...

Только вот в день торжеств как-то вскользь, втихую упомянули другого всенародно-любимого, со дня смерти которого (надо ж такому случиться) минуло девятнадцать лет. Ну не круглая дата, как крути не крути! Не круглая – и все тут! А вот на следующий год ровно двадцать лет будет, как отошел он от своей последней земной пристани – от своей Таганки. Но это... год следующий.

Тогда вот, 25 июля 2000 года, и вспомним. Вспомнят «особенно», наверное, те, кому это весьма выгодно будет. Ведь год двухтысячный – год выборов Президента России. А пока...

А пока, в последнее июльское воскресенье, гремели на всю необъятную страну пышно-слезливые фанфары – мол-де при жизни недооценили, не признавали, не давали... Премьер¹ порадовал своей интеллектуальной привязанностью к «великому и могучему». Читал на родине Шукшина – да как читал!

¹ Премьер на тот день С. Степашин.

– русскую классику. Глядя по телевизору, аплодировать хотелось.

Но... к Вам, Владимир Семенович (Высоцкий – *ред.*), сие не относится. Про Вас в тот день – как бы вскользь. Хотя как Вы тосковали по Макарычу, одному Богу, пожалуй, известно.

И надо ж было так Всевышнему уготовить для вас обоих: день в день. Думаю, доживи вы оба до этого дня... Хотя – чего уж там... История не любит сослагательных наклонений. Но всё же...

2.

Вот собрать бы вместе разных юбиляров. Разных по эпохам, характерам, привычкам. А с ними заодно и «неюбилейную» компанию подобрать, к примеру: Пушкин, Есенин, Маяковский, Рубцов... Про Высоцкого, конечно же, не забыть.

Собрать-то собрать, а где?.. Да хотя бы на зеленом берегу стремительной Катуня. Сами понимаете, мысленно сие делаю. И за сей прожект они, юбиляры и неюбиляры, на меня в обиде не будут.

Так вот, собрались, уединились компанией и... знамо дело – по чарке пропустят. А как иначе? За знакомство полагается до дна. Мысли неспешные – хорошо тут, в укромном несуетном таежном местечке. День погожий, тёплый, ласково-ясный. Добрый, одним словом, денек. Ветерок набежит внезапно – лица прохладит, обласкает, и снова тишина кругом. Только Катунь – река неугомонная – журчит радостно на перекатах, блестит рябью солнечных бликов, как будто золото по ней разлили, – смотреть долго глазам больно.

Хорошо им всем вместе. Спокойно на душе. Светлым праздником входит в душу каждого знатный денек, речка говорливая да зеленые лесные просторы кругом. Э-эх благодать!.. Ну как тут не пропустить еще по одной?..

Накатят по маленькой, и, как всегда, сама собой появится тема для беседы. О чем, спросите? Да все о том же: кому нынче на Руси жить хорошо? Слово за слово и, глядишь, беседа из неспешной в бурный спор переросла. Особенно горячо спорят Александр Сергеевич с Владимиром Владимировичем, оно и понятно...

Но интеллигентно спорят юбиляр с неюбиляром, без обид взаимных и оскорблений, – здесь вам не Государственная Дума, а русские классики. А разница тут,

понимать надо, большая. Хотя бы потому, что один из спорщиков воспитывался в эпоху, когда слово «честь» имело свое прямое предназначение и дорогого стоила.

А за беседой той, в спор переросшей, наблюдали со стороны двое. Деревенских, разумеется. Но без какого-либо подвоха – так, невзначай. Одним словом, не любопытства праздного ради.

...Два старика, из местных, тянули телегу, груженую хворостом. Да вот незадача: дороги наши российские – повсеместно беда и слезы, тем паче проселочные. И всё бы ничего, да лошадь у хозяина захворала, а тут ещё, как на грех, дожди прошли, хоть и теплые, грибные, которых ноне видимо-невидимо, но дороги-то развезло, грязюка сплошная. Пожалел хозяин лошадку и попросил кума, своего сверстника, помочь ему. Думали, к обеду управятся, да не тут-то было. Мы предполагаем, Господь Бог – располагает...

– Всё, не могу больше... Передохнем... – молвил один из стариков, чья затея была управиться по-скорому, чтобы к празднику, до обеда, успеть.

– Сил моих нет. Фу-у-уу... – и, дрожащими руками опираясь рубаху, как бы оправдываясь пред своим напарником, выдал сквозь кашель: – Ох и натягались мы на фронте по нашим российским дорогам, а уж про долю лошадиную и говорить не стоит, одно слово – худобушка, кожа да кости. А поди ж ты – вся война на ней, все выдюжила родимая.

И немного успокоившись, уняв дрожь в руках, рассуждая, как бы с самим собой, продолжил: – Намаюсь, сполна ей досталось. Она ж, сердешная...

– Да что там Россия... – перебил его словоохотливый кум. – Тебе вот не довелось до конца дойти, все по госпиталям. А я, почитай, пол-Германии протопал на своих двоих, а картина такая, как и в начале... Сами по колено в грязи, а лошадям, что повозки и орудия тянут, завсегда подмогем. Н-нда-аа, что тут говорить...

– А ну глянь-ка кум, кто это там?... – прервал его сетования хозяин телеги. – Да не туда, не глядишь... Во-о-он, у самого леска, на бережку...

3.

– Эх мать честная, и кого только на юбилей Макарыча не занесет в нашу глухомань! Нет, ты глянь, кум, на того, что со здоровяком рядом, в пиджачке странном. – Перепутал, старый, приняв фрак Александра Сергеевича за пиджачную пару. – Чудной такой. Видать не наших кровей будет... Нет, ты только глянь на него, все верзиле что-то доказывает. Вот потеха – руками машет...

– А чернявенький... – подслеповато щурясь, утер заскорузлой ладонью слезящиеся глаза кум. И с потаенной завистью в голосе добавил: – Во-о-о жизнь! Веселятся мужики... Городские...

– А что если... – с хитрецей глянув на кума, начал было хозяин телеги. Но его товарищ моментально сообразил о помыслах дотошного напарника: – Попросим подмогнуть телегу вытолкнуть...

И заголосили оба деда: – Э-эй, мужики! Городские! Слышите!..

– Чего это там они, судари мои?! – встрепенулся первым Пушкин.

– Да наши это, деревенские... Помочь надо, – покусывая травинку, словно извиняясь за вмешательство земляков в нерушимый солнечный праздник, объяснил Макарыч.

– Любезные мои, так чего же мы сидим? – вновь обратился ко всем неугомонный потомок Ганнибала.

Маяковский первым поднялся во весь свой гигантский рост и, не оглядываясь (знал, что братья по литературному цеху едва поспевают за ним), закинув пиджак на богатырское плечо, быстро зашагал по петляющей тропинке на взгорок.

...Всё разрешилось на удивление быстро и успешно, хотя без натуги и не обошлось. Миновав колдобины, втащили общими усилиями телегу на пригорок, куда вела колея дороги. Все изрядно вспотели, вот бы и само время перекурить, немного им еще осталось, самое главное, почитай, уже позади. Закурили. Маяковский угощал всех папиросами из пачки. Только по первой затяжке сделали – глядь, а навстречу им разноголосая ватага с помощью поспешает и во главе ее...

– Ба-аа, да это же!... – зычно воскликнул Владим Владимич. – Надо же! Пожаловал сам...

– Да, да, Златокудрый с сотоварищами, – опередил Глашатая доселе скромно молчавший певец вологодского края Николай Рубцов.

– Тоже пиит? – пуская дым колечками и поправляя цилиндр, осведомился Гений русской поэзии.

– Он самый, Саша, – молвил поэт-гигант. – Он же и возомнил, что после Вас он – Первейший Российский Поэт.

– И что же? Вышло?..

– Да как сказать... Хотя надо отдать должное, что сей голубоглазый Хулиган и любимец женщин с глубоким почтением относился к Вам и не иначе, как на «Вы».

– Хм-мм... Надо же...

– Да будет вам, мужики! – прервал наметившуюся волюнку Бард с Таганки.

– Напряглись-ка лучше на последнем отрезке! Маленько осталось... Ну же!..

И Александр Сергеич, озорно подмигнув Маяковскому, не замечая грязи на фалдах своего фрака, лихо ухватился за лямку рядом со своим двухметровым собратом. Оглянувшись на своих новых друзей, скомандовал ухарски, как заправский ямщик: – Выноси, родимые!

– И-ии-ааа!... Залетные-э-э! Па-а-а-шли-ии!...

– Давай, дава-аа-ай!.. – голосила за их спинами компания.

– Пошли-ии!... – надрывался всеми жилами Высоцкий и вдруг запел: Вдоль обрыва, по-над краем пропасти, я коней своих нагайкою сте-г-гаю-ю!..

И, соскальзывая в дорожной хляби, упирался рядом с ним крепким плечом юбиляр Макарыч.

А что? И вынесут!.. Им-то вместе все нипочем. Не такое они видали. На своем веку... Да и земля им эта – роднее нет. На том и весь сказ. Так-то...

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ – ОСНОВАНИЕ МУДРОЙ И СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ

Отец Николай и матушка Наталья с участниками молодёжного движения

В Православии русский человек обрёл идеалы духовной жизни. Нам дарована благодать слышать Слово Божие, напевные церковно-славянские тексты, учения святых отцов, перешедшие к нам, в Россию, «с первым благовестом христианского колокола». Трудно переоценить роль Православной Церкви, вся деятельность которой направлена на созидание храма Божия в душах людей, на формирование нравственно здоровой среды и высокой духовности, христианского мироощущения. И люди идут сюда, вверяя батюшке свои беды и горести, прося совета в трудноразрешимых вопросах, как поступить, что делать в том или ином случае, – потому что Церковь, по слову святого праведного Иоанна Кронштадтского, «есть истая мать всего человечества, право верующего во Христа, самый верный друг христиан. Она сочувствует и отвечает всем существенным потребностям души и тела христианина деятельным пособием или подаянием помощи силой Господа Иисуса Христа и Духа Святого, Которым всякая душа живится».

Вот и в храм Благовещения Пресвятой Богородицы за «подаянием помощи» пришла заблудшая душа – подавленная, потерянная, погружённая в мучительную тревогу. Молодой мужчина, лихорадочно оглядывавшая по сторонам, отрешённо повторяет: «Я великий грешник... Я хочу исповедаться... Я великий грешник... Когда будет батюшка? Мне надо с ним с глазу на глаз поговорить, посоветоваться... И не знаю, как я сюда попал, как здесь очутился. Меня ноги сами привели...»

Растерянно пробегая глазами по книжным полкам, он неуверенно произносит: «А у вас есть Библия? Говорят, что очень интересная книга».

Пришла заблудшая, грешная душа, какими-то окольными

путями узнавая, что есть такая «очень интересная книга», дарующая свет и надежду покаянному грешнику.

Ещё только сделав первый шаг к порогу храма, человек уже будто сбрасывает с себя мирскую грязь и суету, и душа его, просветляясь, предстаёт обнажённой пред Богом и священными иконами. «В каком высоком, святом обществе видит себя христианин во храме, окружённый ликами св. Ангелов и св. угодников!.. – восклицает святой праведный Иоанн Кронштадтский. – Какое побуждение к нравственному изменению и стремлению к той же нестареющей жизни, к какой стремились и они, и достигли».

Русь, как известно, была крещена, но не была просвещена. Вся духовная деятельность настоятеля храма Благовещения Пресвятой Богородицы о. Николая (Хоменко) – это творческий процесс просвещения паствы. Приобщить прихожан к бытию Церкви – вхождению в полноту церковной жизни, расширить и углубить духовное образование, помочь встретиться с Богом – эти задачи целенаправленно решаются пастырем в неизменном союзе с неутомимым его помощником – матушкой Натальей, находящейся в

Крестный ход

неустанных поисках новых средств, методов, благодаря которым душа и разум свободно и легко впитывали бы познания христианского мира, поднимая пришедшего в храм на ступеньку выше в его духовном развитии.

Воскресные школы для детей и взрослых, библиотека, выставки и стенды с материалами по животрепещущим семейным вопросам – всё это воплощённые в жизни замыслы о. Николая и матушки. Здесь, в воскресных школах храма,

Детский лагерь «Благовест»

осваиваются азы Православия, постигается смысл богослужений, «тайна» света и красоты церковно-славянского языка. Насколько прочны усвоенные знания, оценивают приезжающие из Владивостокской епархии Русской Православной Церкви специалисты.

Неотъемлемая часть трудоёмкой работы прихода – патриотическое воспитание. Ребята приобщаются к молодёжному

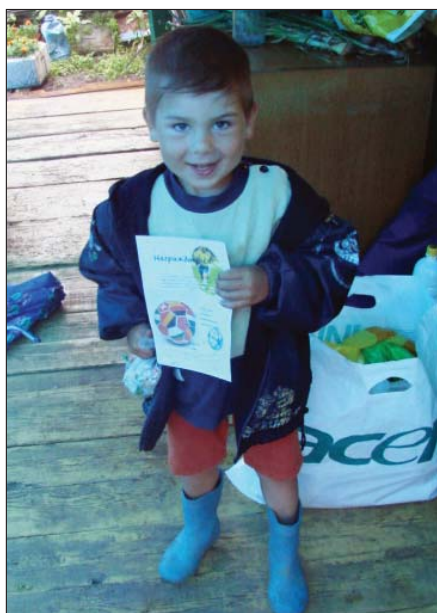
Вечернее общение. Подводятся итоги дня

**Большая игра
«Путешествие по Библии»**

движению, развернувшемуся в Приморье по инициативе Владивостокской епархии – чтобы чувствовали они свою причастность к тому, что совершается на их родной земле, свой долг перед Богом и отечеством. Церковь поддерживает тесную связь с епархией – руководителем молодёжного движения о. Никитой и преподавателем ДВГУ Мариной Ивановой Нефедьевой.

Продолжая традиции Дальневосточных образовательных чтений, посвящённых памяти святых Кирилла и Мефодия, учащиеся воскресной школы приняли в них живое участие. На первом этапе чтений, состоявшихся в Чугуевке, куда съехались работники культурно-просветительских учреждений, общеобразовательных, воскресных школ, Зина Егорова, фотокорреспондент, выступила с докладом «Воскресная школа»; участниками

Илья Дёмин, участник команды-победительницы в спортивных состязаниях

молодёжной конференции «Человек. Общество. Культура» стали Григорий Демин и Иван Крышан. Иван к тому же принимал участие в олимпиаде, организованной совместно ДВГУ и лабораторией «Основы православной культуры» Приморского института переподготовки и повышения квалификации работников образования (ПИППКРО).

С наступлением лета, каникул, дети воскресной школы уезжают в летний православный лагерь «Благовест», что находится в пос. Южно-Морской.

Лагерь для детей – это радость встречи с друзьями, окружающим миром, это счастливые дни пребывания на воде и под солнцем – это незабываемые мгновения православного детства. Над ними не довлеет авторитетное слово педагога Татьяны Григорьевны Раковой и её испытанного, надёжного и терпеливого помощника Галины Николаевны Панюковой. Собираясь вместе, дети и педагоги обсуждают предстоящие мероприятия, делятся своими планами. Каждый день наполнен новыми светлыми впечатлениями, душеполезными беседами, чтением. Спортивные состязания «Весёлые старты», познавательно-развлекательные программы, встречи со сверстниками из воскресной школы пос. Ливадия со взаимными концертами и – непременно – ежедневные молитвы, посещение богослужений в церкви, находящейся в нескольких километрах от лагеря, исповеди и причастия... Создавая «климат целостного воспитания», педагоги заботятся о духовном развитии души ребёнка, чтобы «заставить её работать на вечность», т.е. на спасение, ибо «как зло, так и добро в юношеском сердце крепко вкореняются; к чему в юности научаемся, в том и в совершенный возраст пришедши пребываем» (святитель Тихон Задонский).

Поэзия – ЭТО О НЕВОЗМОЖНОМ

«Вначале было слово»

Почему именно слово? Почему не деяние, а – слово? Почему не музыка, не картина, а – слово? И в «начале» чего было слово? «И слово было Бог». Что это значит? Значит ли это, что Бог – это слово?, текст? Какое слово может быть в «начале»? Я всегда читала начало ветхого завета как некую магическую формулу, не то что бы не задумываясь о её смысле, а как-то изначально полагая его непостижимым. Но, занимаясь в течение долгого времени работой, связанной с реализацией организационных проектов, постепенно пришла к выводу, что слово, которое лежит в начале любого осмысленного целенаправленного и благого деяния – это слово (текст) и есть проект (слово, брошенное в будущее). Не любое слово, а слово-замысел, слово-задача, слово – цель. Вот что является началом всякого человеческого созидания (а человеческое созидание это есть продолжение Божеского творения). Несколько уточнений. Бог – это не любой проект, а только тот, который «всеблаг».

Первое очевидное возражение, которого можно здесь ожидать, это невозможность всеблагости как таковой. То есть, то, что хорошо для одного, то для другого может быть плохо. С этим трудно спорить. Всегда можно найти подходящую иллюстрацию. Но я не претендую на всеобщность формулы. Поясню на примере. Если я отнял кусок мяса (банан, жену, должность) у соседа, то мне хорошо, а соседу плохо. И если он будет поступать так же, то благо на земле не увеличится. А если я научился выращивать хлеб, и мой сосед сделал то же самое, то благо возрастает повсеместно. И, в дальнейшем, благим буду называть только всеблагое. И Богом – словом – проектом буду называть только всеблагий проект.

Если слово это Бог, и слово это проект, то это слово – о будущем.

Живопись – это о прошлом

На главной площади Владивостока стоял художник и рисовал улицу Светланскую. Я прогуливалась мимо туда-сюда, периодически заглядывая через его плечо. На холсте обозначилась дорога, проступили дома, небо, люди. Не ставлю себе задачу живописать процесс живописи, – я о другом. Обычная улица превращалась в нечто прекрасное, оставаясь сама собой. Когда я восхищаюсь картиной, я восхищаюсь прежде всего не объектом (хотя, возможно, и ним), на ней изображённым, а мастерством художника, который не приукрасил, а превратил существующее обычное в существующее прекрасное. И запечатленное им прекрасное предполагает существование (сейчас или в прошлом, в момент написания картины) этого обычного реального узнаваемого. Конечно, есть художники-фантасты, но я о другом сейчас. Изобрази-

тельное искусство возможно и без них. А вот без чего оно на самом деле невозможно – вот без этого чуда: когда наличное обычное запечатлевается художником как вечное прекрасное. Вещь изменяется, разрушается, погибает совсем, но картина служит для продления жизни... нет, не вещи, а видения её красоты. Картина запечатлевает взгляд, восприятие. Картина – это выражение пассивного отношения к реальности (хотя и здесь могут быть возражения, но сейчас я не хочу на этом останавливаться). По большому счёту, глаз – это орган восприятия, а не действия. Чудо живописи – в создании прекрасного прошлого.

Музыка – это о настоящем

Музыка – информация, воспринимаемая последовательно. Музыкальное произведение, как и любое звуковое сообщение, невозможно охватить одномоментно, как картину, одним взглядом. Возможно, поэтому музыка воспринимается всегда как нечто существующее сейчас, и более того – нечто о том, что существует сейчас. Эта вторая часть рассуждения нуждается в пояснении. Я воспринимаю музыку Вивальди не как нечто прекрасное, которое существовало когда-то и было тогда запечатлено, а как нечто прекрасное, что прекрасно и сейчас, что в восприятии слушателей прекрасно сейчас, и поэтому его воспроизводят сейчас и сейчас слушают. Наверное, ключевым моментом является момент воспроизведения. Действительно, чтобы увидеть картину, достаточно того, что она есть, а для того чтобы услышать музыкальное произведение, надо его спеть, сыграть или «прокрутить» тем или иным приспособлением, но обязательно – воспроизвести. Для этого существуют целые индустрии: симфонические оркестры, оперные театры, студии звукозаписи, производство кассет и дисков, магнитофонов и программ, воспроизводящих звуки. Музыка – это всегда то, что есть сейчас. Ценность музыкального произведения сейчас определяют рейтингами – это секундная оценка. Дорогая сегодня музыка та, которая на вершине сегодняшнего хит-парада. В отличие от картин старых мастеров, ценность которых определяют на аукционах, и стоимость от аукциона к аукциону картины может только возрасти. Музыкант произвёл на свет прекрасные созвучия, и они будут такими до тех пор, пока кто-то будет считать их такими, и для него их будут вновь и вновь воспроизводить. В отличие от рисования, музыка – это не запечатление подслушанных в природе или обществе звуков, а производство звуков, подчинённых принципам прекрасного. Музыка – это то, что существует сейчас, сейчас производится, сейчас слушается. Это актуальное прекрасное. Чудо музыки – это творение прекрасного настоящего.

Поэзия – это о будущем

В отличие от зрения, речь – это всегда активность. «Говорить», в отличие от «смотреть» – это уже проявлять некоторую активность. Акт речи – это уже акт более, чем виденье. В этом принципиальная разница основанных на этих явлениях искусств. Но и это не всё. Рисование или пение требуют от человека особых способностей, наличие или отсутствие которых настолько очевидно, что не нуждается в доказательствах. Нарисовать линию, обрисовывающую скачущего коня, так же, как исполнить сколько-нибудь сложную мелодию, под силу далеко не каждому. Но что может помешать человеку написать слова:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт...

Все слова известны, нет никаких изысков, писать может каждый второклассник, а тем не менее... Чудо поэзии труднее для понимания, чем чудо музыки или изобразительное искусство.

Живопись изображает прекрасное прошлое, музыка – прекрасное настоящее, поэзия – прекрасное будущее, проект. Пусть проект на стадии обозначения проблемы, но ведь это одна из законных стадий любого проекта. Человек – поэт обозначает проблему, тем самым намечая, даже если не её решение, то хотя бы направление поиска, подготавливая и направляя читателей по пути, которого сам автор ещё может и не знать, но становится явным, что этот путь существует, и искать его будут теперь многие. По-моему, одним из составляющих чуда литературы является эта устремлённость в будущее. Ещё точнее – устремлённость в неизвестное будущее. Ибо если описываемое будущее определённно и известно и возможно к реализации, то его описание – это не литература, а вполне реализуемый проект, материальный по преимуществу или организационный. Если это возможно, зачем стихи, – бери и делай. И только невозможность реализации – вообще в принципе, или реализации данным конкретным лицом, или реализации в этих конкретных условиях этого проекта переводит его энергетически в область безумно желаемого, осознаваемого, но не реализуемого в действительности. Поэзия – это всегда проект, невозможный к реализации. Чудо поэзии – это творение прекрасного будущего. **Поэзия – это всегда о невозможном. Вначале было Слово. И Слово было Бог.**

Невозможное – необходимое содержание поэтического произведения, такое же, как красота. Эти вещи каким-то необъяснимым образом связаны. Как чувство юмора связано с интеллектом, так поэтическое чувство связано с ощущением чуда.

СЕРДЦЕ ПОЭТА

В мае 2009 года в телефонной беседе один из сотрудников редакционной коллегии «Литературного меридиана» сообщил, что интеллигенция Хабаровска очень тепло принимает произведения Вячеслава Протасова, и было бы неплохо организовать продажу книг Вячеслава Васильевича – удовлетворить спрос читателей, а вырученную сумму отправить автору.

Некоторое время спустя поделился я этой мыслью с Протасовым. Поинтересовался стоимостью книг и имеется ли возможность отправить несколько экземпляров каждой в Хабаровский край. Признаюсь, ответ меня обескуражил. Вячеслав Васильевич, как само собой разумеющееся, произнёс: «Высылаю с охотой, а деньги... оставьте на развитие "Литмеридиана"».

О человеке красноречивей всего и всего правдивей говорят его поступки.

В. Костылев

«ЗАТЁРТАЯ ПЛАСТИНКА»

«Что горюхостенку» – в прошлые годы подобное изречение можно было слышать очень часто, адресованное детям и взрослым, произносимое где угодно – на улицах, в школах, различных учреждениях... В роли назидателя, как правило, выступал старший товарищ (родитель, педагог), который взывал к совести провинившегося, игнорирующего многократные призывы неукоснительно выполнять какие-либо требования.

Обязательные правила, предъявляемые к присылаемым материалам, в 2008-м году публиковались едва ли не в каждом номере «ЛитМ», да и в прошедшие месяцы 2009-го редколлегия несколько раз напоминала авторам-подписчикам о необходимости соблюдать рекомендации издателей.

Спешим сделать вывод: некоторые авторы либо не читают наши обращения, либо считают, что требования касаются кого угодно, только не их. И по-прежнему присылают письма, в которых не каждый учитель-словесник способен прочитать текст послания (неразборчивый почерк!); по-прежнему мы получаем трудноразличимые ксерокопии произведений, а фотографии – какие угодно: из газет, пожелтевшие любительские, только не контрастные; по-прежнему авторские листы не подписываются или подписываются инициалами (поднимай архивы, гадай, редактор, как величают по имени В.М. Мысковойтова) и т.д., и т.п. Не останавливает небрежных авторов даже предупреждение об отказе в публикации. Более того, встречаются и такие строки: «О правилах я ничего не знала (!), а когда прочитала – решила: исполнять не стану»... Другая подписчица сообщает, что компьютера у неё нет, а писать печатными буквами ей недосуг.

Уважительно ли это к сотрудникам редакции?
Заслуженно ли такое отношение к редколлегии?
На одном ли языке мы разговариваем?

Редколлегия

Слово на съезде

Галина ЯКУНИНА,
г. Владивосток

В Москву, на съезд...

Всё решилось так быстро, что осознавать происходящее я начала только в самолёте. Летела «встречь солнцу», и дню этому, 23 июля, так и не суждено было перейти в ночь: зародившись во Владивостоке в шесть утра, он встречал меня предзакатной безоблачной синевой в столице, когда мои дальневосточные часы показывали предрассветное время. Глядя на современный высотный, утопающий в зелени микрорайон из распахнутого окна двадцатипятиэтажной гостиницы, я думала: о чём говорить, если дадут слово?

А слово дали. Быть может потому, что от всего Дальнего Востока на IV съезде Союза российских писателей была я одна.

Отступление первое. Общероссийская общественная организация «Союз российских писателей» – один из двух творческих писательских союзов федерального значения. Она была образована в 1991 году, когда распался Советский Союз и, соответственно, – Союз писателей СССР. У истоков СРП стояли Дмитрий Лихачев, Сергей Залыгин, Юрий Нагибин, Анатолий Жигулин, Владимир Соколов, Роман Солнцев. Сегодня Союз российских писателей насчитывает в своих рядах 1,5 тысячи человек. В СРП состоят Евгений Евтушенко и Фазиль Искандер, Белла Ахмадулина и Андрей Битов, Владимир Маканин и Андрей Вознесенский, Михаил Кураев и Юрий Кублановский, Александр Кушнер и Руслан Киреев, а также другие известные поэты и писатели России.

Светлана ВАСИЛЕНКО,
секретарь Правления Союза
российских писателей

В просторном мраморном холле Российской академии государственной службы при Президенте РФ, где шла регистрация делегатов, мы знакомились, вслед за именами называя города: Волгоград, Смоленск, Омск, Киров, Вологда, Тольятти, Петербург, Москва, Тюмень, Краснодар, Майкоп, опять Петербург... Десятки регионов России, не считая гостей из Прибалтики, Армении, Белоруссии, Украины.

IV съезд Союза российских писателей проходил в здании Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации

Реакция на слово «Владивосток» у всех была одинаковая: любопытство, удивление и осторожный вопрос: «Ну и как вы там?..»

Отступление второе. В Союз российских писателей входит 58 региональных организаций и 20 представительств. Наиболее многочисленные из них – в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Рязани, Ярославле, Оренбурге, Ставрополе, Ростове-на-Дону, Иркутске, Калининграде, Омске, Кемерово, Мурманске, Петропавловске-Камчатском, Тольятти, Владимире, Туле, Томске. Практически все организации издают свои газеты, журналы и альманахи. Союз российских писателей является соучредителем и организатором многих литературных конкурсов, фестивалей, премий. В том числе – международной литературной премии имени Юрия Долгорукого и Волошинского конкурса и фестиваля в Коктебеле.

Первым секретарём Правления Союза российских писателей была избрана Светлана Василенко – известный прозаик, лауреат премии журнала «Новый мир», автор книг «Звонкое имя», «Дурочка», «Шамара» и других. Сопредседателями избрали Юрия Кублановского и Михаила Кураева. Ю. Кублановский – поэт, публицист и критик, лауреат Пушкинской премии, а также премий имени А. Солженицына и О. Мандельштама. М. Кураев, отметивший накануне съезда свой юбилей, – лауреат Государственной премии РФ, премии правительства Санкт-Петербурга, премии имени С. Довлатова. Валентин Курбатов, которого с юбилеем связывает давняя дружба, написал в «Литературной России»: «Мы с Михаилом Николаевичем – дети разных писательских со-

юзов. Но общий год рождения и общая история... соединяли нас больше, чем идеологические тонкости писательских расхождений».

Что больше всего порадовало меня на съезде – это спокойная рабочая обстановка. Никакой экзальтации, никаких разоблачений и призывов – нормальное совещание единомышленников, которым есть о чём рассказать друг другу. Особенно интересно было участвовать в работе Координационного совета – высшего органа СРП, действующего между съездами. В него входят члены Правления и председатели региональных организаций. Обмен опытом работы «на местах» вызывал и сочувствие, и недоуменный ропот, и дружный смех зала. К примеру, один из председателей очень артистично, в лицах, поведал о злоключениях автора, имевшего огромное желание получить писательский билет – всё равно какого союза. Человек продал корову, издал пару сборничков басен и сказок, а рекомендацию ему так никто и не написал – ни «российские писатели», ни «писатели России». И тогда разгневанный автор подал на оба союза в суд... Эта забавная история послужила поводом для серьёзного разговора с участием председателя приёмной комиссии СРП Владислава Отрошенко.

Отступление третье. При Союзе российских писателей действует несколько постоянных комиссий: приёмная, издательская, международная, социально-бытовая, детско-юношеская, по работе с молодыми писателями, по литературе народов СНГ и Балтии. Набирает обороты издательство «Союз российских писателей», в котором вышли книги Анатолия Жигулина, Евгения Блажеевского, Владимира Коробова. Накануне съезда изданы «Антология стихов о Крыме» и двухтомник «Лёд и Пламень» – антология поэзии и прозы Союза российских писателей. Увесистые, прекрасно изданные тома вручали всем делегатам съезда. В «прозаический» раздел антологии вошли рассказы Бориса Мисюка, много лет возглавлявшего Приморское отделение СРП. Отрадно, что уже несколько лет Правление оказывает серьёзную материальную помощь приморцам: выплачивает субсидии на лечение и стипендии для реализации творческих проектов. Да и оплата моих дорожных

Делегаты съезда делятся впечатлениями

расходов, трёхдневного проживания в гостинице и питания тоже говорит сама за себя.

На съезде немало слов посвящено было Федеральному закону «О творческих союзах и творческих работниках». Необходимость принятия этого закона назрела давно, были уже совещания на правительственном уровне, но рассмотрение Думой его всё откладывается. Сейчас вот кризис... А когда в России были времена не кризисные? При отсутствии закона о творческих союзах, отсутствии местных законодательных актов, ориентированных на поддержку писателей, деятельность союзов сильно затруднена. Приходится рассчитывать только на разумный сочувственный подход при контакте со всеми ветвями власти. Например, большую помощь правлению СРП оказывает Правительство Москвы. Руководство Кемеровской и Оренбургской областей ежемесячно выплачивает пособия всем писателям-пенсионерам и выделяет средства на издательскую деятельность. В Томске, Красноярске и Кемерово созданы государственные учреждения культуры, приютившие писателей (Дом литераторов Кузбасса, Дом искусства в Томске и Кемерово).

Последний из них, кемеровский, особенно любопытен: под одной крышей прекрасно уживаются художники, музыканты, журналисты и оба союза писателей.

Отступление четвертое. Разумеется, это здорово: внимание и забота властей, офисы, премии, финансирование изданий из бюджетных средств. Но и отсутствие этих благ – вовсе не причина для бездействия творческих людей. Это все равно что заявить: пока не дадите мне писательский кабинет с красивым видом из окна и не обеспечите идеальной тишины для работы – ничего вам писать не буду! Мир не только не отреагирует на это заявление – он просто его не заметит. Жить и творить в России – да и не только в ней одной – художникам слова всегда приходилось вопреки всему и несмотря ни на что. Это верно и по отношению к организациям. Что сделано Приморским отделением СРП? Наверное, одна из первых инициатив – газета «Лукоморье» и альманах

В редакции журнала «Москва» Галина Якунина (слева) с критиком Капитолиной Кокшенёвой

Председатель Омского отделения СРП
Александр Лайфер и Галина Якунина

«Живое облако» под редакцией Николая Морозова. Заметим, что эти издания были среди первых неофициальных литературных проектов не только в Приморье, но и в России. Затем появился периодический журнал «Изба-читальня» Бориса Мисюка. В Находке усилиями Павла Шепчугова состоялось открытие литературного музея, было создано творческое объединение имени Михаила Гутмана, организованы Лебковские чтения в Партизанске (памяти писателя Е. Лебкова), которые стали прекрасным поводом для ежегодных встреч Приморского отделения СРП. Павел Шепчугов – участник и один из организаторов первого литературного автопробега, приуроченного к Дням славянской письменности, в течение пяти лет он финансировал издание альманаха «Сихотэ-Алинь», задуманного Евгением Лебковым. Сегодня неугомонный Павел Иванович «дотянул» ветку автопробега до Читинской области, откуда сам родом. А приморские маршруты разработал и возглавил Владимир Тыцких при содействии Морского университета и краевого Фонда культуры. «Литературный меридиан», выросший из «Лукоморья», словно оправдывая своё новое название, «опоясал» почти всю планету, сведя на страницах авторов из Европы, Америки, Азии. Должна сказать, что газета вызвала большой интерес у делегатов съезда: её читали, передавали по рядам, подходили во время перерыва, расспрашивали...

Интересно, что большинство инициатив исходило не из столицы Приморья, а из Находки, Арсеньева, Партизанска. Евгений Лебков, Николай Морозов, Павел Шепчугов, Борис Мисюк, Александр Шипицын (он создал популярный детско-юношеский творческий портал «МАЯЧКИ. РУ») – каждый из них внёс свой вклад, а то и свои личные средства для того, чтобы задуманные проекты воплотились в жизнь.

Когда мне дали слово, первое, что пришло в голову – слова из фильма «Член правительства». Помните? «Вот стою я перед вами...» Владивосток – это не экзотика. Это обострённое чувство края. Наверное, это особая философия: когда стоишь на краю и ходишь по краю, привыкаешь ко всему: нескончаемым перестроечным штормам, бездействию властей, к борьбе за выживание, привычке рассчитывать только на свои силы. И всё-таки важно чувствовать, что

за тобой – Россия. Иначе просто не выстоять.

– Я летела в Москву двенадцать часов. И с высоты двенадцати тысяч метров хорошо была видна Россия – со всеми её долинами, реками, лесами. И дорогами. До Урала они довольно редки, а к западу от уральских хребтов густеют на глазах. Вот когда понимаешь, что слова «Москва – сердце России» – отнюдь не поэтическая метафора. Столица действительно напоминает сердце с мощными ветвистыми артериями и сплетениями вен. Но какое сердце будет здоровым, если не работает периферийная кровеносная система? Двадцать лет пытаются разъединить Россию и русскую культуру. Двадцать лет не оставляют попыток сделать талант из национального достояния рыночным продуктом и назначить ему цену. Сегодня в трудовом законодательстве нет такой профессии: писатель. Но у каждого из нас остаётся неотъемлемое право выбора: для кого и ради чего пишем? Писатели и поэты – такие же люди, как все. С той разницей, что на них – двойная

ответственность за нравственный выбор. Мы отвечаем даже не ЗА слово, а ПЕРЕД словом, как перед Богом. Если между словами и поступками литератора ширится пропасть, то, рано ли, поздно ли, он рухнет в неё. И как человек, и как творец. Ведь существуют центристские и центробежные силы не только физические, но и духовные. И центробежным силам: ненависти, корысти, подлости, зависти – всегда противостоят силы центристские: любовь, дружба, сострадание, взаимовыручка. По всем законам, Божеским и человеческим, мир не может держаться на силах, разрушающих его. Любая конфронтация и противостояние ведёт в тупик. Творчество – центристски, оно самим Богом направлено на объединение, со-творение. Так давайте сотворять, воссоединять духовное пространство России, переступив через личные обиды и корпоративные интересы. Тем более что в жизни поэты и писатели дружат, невзирая на членство в различных союзах. Я уже довольно длительное время работаю в департаменте информации Морского университета под началом Владимира Тыцких, члена Союза писателей России. Конечно, между нами бывают разногласия, но они не мешают пониманию того, что в главных вопросах, касающихся судьбы нашей страны и культуры, мы – единомышленники. Более того, здесь, в Морском университете, произошло объединение поэтов и писателей края, независимо от их принадлежности к союзам. И все вместе мы принимаем участие в работе студии «Паруса», в издании альманаха «Сихотэ-Алинь», в поэтических фестивалях и автопробегах.

В заключение я привела слова Владимира Тыцких: «Столица тем мощнее, чем мощнее страна, именно – глубинка, кровью которой питаются культурные и прочие центры. Литература сегодня стала дискретной, прежнего единого духовного пространства не существует. Между тем, потребность в нём именно теперь стала огромной. Это вопрос не только сохранения великого наследия великой культуры – это один из первейших вопросов сохранения самого народа – носителя этой культуры».

IV съезд российских писателей ответил продолжительными аплодисментами...

Перемены как-нибудь, или Не лучше ли будет...

Литературные уроки А.С. Пушкина и В.П. Астафьева в письмах

/ Литературно-критический журнал «Литературная учёба» 2009 г., № 3/

Валентин Курбатов

Какое это счастье, что люди пишут письма и что, получая их, не торопятся пустить на растопку. Что бы мы были и что была бы наша история, если бы мы знали только официальную часть жизни или один её художественный перевод. Ушло бы что-то самое человеческое, тонкое, умное, слабое и живое, что держит сердце жизни, самое её существо.

Таково всякое человеческое письмо, а уж письма гениев — это и вовсе праздник. И хорошо, что бессмертие берёт на себя функцию Третьего отделения и позволяет нам вскрывать эти чужие письма на самом законном основании.

1.

Сколько раз я читал пушкинскую переписку — не считать. Особенно «нашу» — Михайловскую её часть. Соседство пушкинского имения позволяет нам считать себя его земляками и тем претендовать на особенную близость и прямое дружество. И всякий раз письма поворачивались разными сторонами — то ты видел его одиночество и тосковал с ним, то посмеивался над бедным однообразием быта и ловил дерзости Государю, а то радовался возможности хоть словами обнять друзей.

А сейчас вот, вслушиваясь в новую интонацию родной «Литературной учебки», вдруг, сидя в зимнем Михайловском, увидел, как же заботлив был Пушкин к русской литературе, как чувствовал ответственность за её достойное развитие.

Как ни сядет за письмо к Жуковскому, Вяземскому, Плетнёву, Бестужеву, Рылееву, Кюхельбекеру (именато, имена! а ведь это он и протащил их в бессмертие — без него многие из них давно бы потерялись), так гляди через строку:

«Ох, уж эта мне республика словесности. За что казнят, за что венчают?»

«Читал я Чацкого — много ума и смешного в стихах, но во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины».

«Отчего у нас нет гениев и мало талантов? Во-первых, у нас Державин и Крылов, во-вторых, где же бывает много талантов?»

И так всюду — где общие замечания вроде «роман требует болтовни» или «правдоподобие положений и правдивость диалога — вот истинное правило трагедии», а где и подробный разбор — строфа за строфой,

как в предлагаемом в нашей публикации разборе стихотворения Вяземского «Водопад». А там начнёт читать «Духов» Кюхельбекера («Сир слово старое. Прочтут иные сыр — очень мило и дельно, от жеманства надобно нас отлучать»). И увлечётся: «о стихосложении скажу, что оно небрежно... выражения не всегда точно русские — например, слушать **в оба уха**, брось **вид угрюмый**, взгляд **унылый**, молодец ретивый». А нам, согласитесь, уже ничего не терзает слуха. Мы уж такого сора насмотрелись и наслушались, что тут нам всё «гармония и диво».

Впрочем, остановлюсь. Я хотел сказать только, что русская литература всегда была строга к себе и её лучшие дети умели и другим сказать прямо, и о себе правду выслушать. И мы ещё будем нет-нет да и заглядывать в чужие письма, чтобы поучиться бережной строгости разборов у Гоголя и Тютчева, Некрасова и Толстого. Если мы действительные их внуки в русской литературной работе, то не грех у дедов и поучиться. Будем считать нынешнюю публикацию началом.

П.А. Вяземский — А.С. Пушкину.

4 августа 1825 г., Ревель.

На днях получил я твоё письмо от 15-го июля, а перед тем ещё. Я рад, что ты едешь в Псков, во-первых для здоровья, а во-вторых и для будущего. Только ты сделай милость, не ступи этого первого шага левшою, как Людовик 18-й, выходя из корабля в Кале, так что говорили, que c'était la première gaucherie de la Restauration <что это первая неловкость Реставрации. — фр.>. Пусть будет этот первый шаг правый, твёрдый и прочный. Ты довольно вилял, но как ни виляй,

*Всё придёшь к тому же горю,
Что велит нам умереть!*

Право, образумься, и вспомни — собаку Хемницера, которую каждый раз короче привязывали, есть ещё и такая привязь, что разом уgomонит дыхание; у султанов она называется почётным шнурком, а у нас этот пояс называется Уральским хребтом. Надеюсь, а пуще желаю, чтобы Псков принёс тебе пользу. Я русских журналов здесь не вижу и потому ни себя, ни тебя не читал в Телеграфе. Верно и меня пощипала ценсу-

ра. Я полагал, что буду здесь много заниматься и много творить: выходит, что ничем и ничего. И мой Бай, или Байрон бай-бай! За то сам байронствую, сколько могу. Ныряю и прядаю! Здесь есть природа, а особенно для нас, плоских москвичей. Есть будто море, будто солнце, суть будто скалы

*И тайною тоской и тайной негой полный,
Гляжу на облака, луга, скалы и волны!*

Здесь есть и Льва Сергеича сестра, милое, умное, доброе создание, с которой видимся раз десять в день и говорим о племяннике Василья Львовича.

У меня до сей поры твоих стихов только вторая часть Онегина, вторая часть Хвостова и ещё две безделки. О других стихах слышу, но рука неимёт. Неделю через две буду в Питере и вырву их сам из когтей Львиных. Его величество, царь зверей и царь твоих стихов читал мне Цыган. Ты ничего жарче этого ещё не сделал, и можешь взять в эпиграф для поэмы стихи Державина из Цыганской песни:

*Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.*

Шутки в сторону, это, кажется, полнейшее, совершеннейшее, оригинальнейшее твоё творение. Твоего Шенье в темнице не знаю, но благодарю уже за одно заглавие. Предмет прекрасный. Шенье в своей школе единственный поэт французский: он показал, что есть музыка, т. е. разнообразие тонов, в языке французском. Спасибо и за трагедию, о которой мне Жуковский уже говорил: Тут есть ночь знаменитая! Вперёд! — Неужели Дельвиг сердился на меня за молчание? Я хоронил и умирал, вот причины моей невежливости. Они достаточны. Оправдай меня перед ним, хотя и сам я с ним виделся и извинялся. Для Цветов дам ему своей ромашки. Вот пожалуй, что вылилось у меня здесь! Только надобно кое-что исправить. Заметь и доставь мне замечания.

Нареский водопад

*Несись с неукротимым гневом
Сердитой влаги Властелин, — **вла вла!**
Над тишиной окрестной, ревом
Господствуй, бурный исполн!
Жемчужною, **кипящей** лавой **студёной**
За валом низвергая вал,
Мятежный, дикой, величавый
Перебегай ступени скал!
Дождь брызжет с непрерывной сшибки
Волны, сразившейся с волной,
И влажный дым, как облак зыбкий,
Вдали твой предъявляет бой!
Всё разъяренней, всё угрюмей
Летишь, как гений непогод,
И мыслью погружаюсь в шуме
Твоих междоусобных вод.*

*Но как вокруг всё безмятежно,
И, утомлённые тобой,
Как чувства отдыхают нежно
Любуясь сельской тишиной.
Твой ясный берег чужд смятенью,
На нём цветёт Весны краса,
И вместе миру и волненью
Светлеют те же небеса!
Но ты, питомец тайной бури,
Игралище глухой войны,
Ты не зеркало их лазури,
Вотще блестящей с вышины;
Под грозным знаменьем свободы
Несёшь залогом бытия **таишь**
Зародыш вечной непогоды
И вечнобьющего огня!
Ворвавшись в сей предел спокойный
Один свирепствуешь в глуши,
Как средь пустыни вихорь знойный,
Как страсть в святилище души!
Как ты, внезапно разгорится,
Как ты, растёт она в борьбе,
Терзает лоно, где родится,
И поглощается в себе.*

Я доволен тут одним нравственным применением, но стихи что-то холодны! Я совсем отвык от стихов. Я говорю, как на иностранном языке: можно угадать мысли и чувства, но нет для слушателей увлечения красноречия. Не так ли? Признайся! Я в стихах Франклин на французском языке: сдаётся какое-то чужезычие. — Жены со мною нет. Она в Остафьеве, где и я буду в начале сентября. Авось там примусь баять о Байроне. Между тем всё эта мысль гнездится у меня в голове, и собираю все возможные материалы. Прости. Пиши и лечись; вылечись, но не выпишись, разве выпишись из ссылки. Об Одессе ничего не знаю, кроме того, что граф Воронцов навёз с собою из Петербурга дождь милостей, и что Яков Сабуров к нему определился.

Здесь есть приятельница сестры твоей, Дорохова, в которую влюбись и которую воспой непременно, когда познакомишься. Белокурая вакханка, полуденная нега на северной почве, виноград на снегу, чего-то нет, но многое что есть: небрежность! Голос приятный, а поёт, то есть, сказывает стихи на русский лад наших барышень. Например из твоей Молдавской песни:

*Однажды я созвал **нежданных** гостей!*

Это сочетание двух слов — самое нельзя прелести! Я сказывал ей, что уведомя тебя о поправке стиха. Сделай одолжение, душа, напечатай его так в полных своих стихотворениях. Здесь на водах был у нас Дубенский, приятель твоего отца. Он однажды говорил Ольге Сергеевне: J'ai coulé ici des jours filis d'or et de soie, comme disait M-dme Sévigné <Я провел здесь дни, сотканые из золота и шелка, как говорила г-жа Севинье. — фр.>. — Это напомнило мне le flagrant délit, comme

disait Napoléon <поимка на месте преступления, как говорил Наполеон. — *фр.*>, Чернышёва. Помнишь ли?

Впервые опубликовано: неполно — П.И. Бартеневым в «Русском архиве», 1879, кн. II, № 8, стр. 475—476; полностью — в издании переписки Пушкина под ред. В.И. Саитова (т. I, 1906, стр. 251—255).

А.С. Пушкин — П.А. Вяземскому

14 и 15 августа 1825 г. Из Михайловского в Ревель.

Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нём, как дамы 1807-го года на славяно-русском. И нет над тобою как бы некоего Шишкова или Сергея Глинки, или иной няни Василисы², чтоб на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах. Благодарю очень за «Водопад». Давай мутить его сейчас же,

...с **гневом**

Сердитый влаги властелин —

Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молнии *властительница небесного огня*? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемени как-нибудь, валяй его с каких-нибудь *стремнин, вершин* и тому подобное.

2-я строфа — прелесть! —

Дождь брызжет **от** (такой-то) сшибки
Твоих **междуусобных** волн.

Междуусобный значит *mutuel*, но не заключает в себе идеи брани, спора — должно непременно тут дополнить смысл.

5-ая и 6-ая строфы прелестны.

Но ты питомец тайной бури.

Не питомец, скорее родитель — и то не хорошо — не соперник ли? *тайной*, о гремящем водопаде говоря, не годится — о буре физической — также. *Игралище глухой войны* — не совсем точно. Ты не зеркало и проч. Не яснее ли и не живее ли: Ты не приемлешь их лазури etc. Точность требовала бы не отражаешь. Но твоё повторение ты тут нужно.

Под грозным знаменем etc. Хранишь etc., но вся строфа сбивчива. Зародыш непогоды в водопаде: темно. Вечно бьющий огонь, тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу?

Ворвавшись — чудно-хорошо. Как *среди пустыни* etc. Не должно тут двойным сравнением развлекать внимания — да и сравнение не точно. *Вихорь и пустыню* уничтожь-ка — посмотри, что выйдет из того:

Как ты, внезапно разгорится.

Вот видишь ли? Ты сказал об водопаде *огненном* метафорически, то есть *блистающий, как огонь*, а здесь уж переносишь к жару страсти сей самый водопадный

пламень (выражаюсь как нельзя хуже, но ты понимаешь меня).

Итак, не лучше ли:

Как ты, **пустынно** разгорится

etc. а? или что другое — но *разгорится* слишком натянуто. Напиши же мне: в чём ты со мною согласишься. Твои письма гораздо нужнее для моего ума, чем операция для моего аневризма. Они точно оживляют меня, как умный разговор, как музыка Россини; как похотливое кокетство итальянки. Пиши мне, во Пскове это для меня будет благоденствие. Я созвал *нежданных* гостей, прелесть — не лучше ли еще *незванных*. Нет, *cela serait de l'esprit* <это было бы от ума. — *фр.*>.

При сём деловая бумага, ради бога употреби её в дело.

Впервые опубликовано П.И. Бартеневым в «Русском архиве», 1874, кн. I, стб. 157—160.

В собрания сочинений Пушкина входит, начиная со второго издания под ред. П.А. Ефремова (т. VII, 1882, стр. 34—36).

2.

Авось к тому времени, когда выйдет этот номер, поспеет у «Издателя Сапронова» в Иркутске, готовящийся к 85-летию писателя том переписки В.П. Астафьева «Нет мне ответа». И опять Виктор Петрович ворвётся в нашу литературу, словно и не уходил, — с его прежним беспокойством. И опять захочется обнять и оттолкнуть его, принять каждое слово и воспротивиться каждой запятой — так он будет целостно жив, горяч, противоречив, так бережно нежен и смущающе резок. И впервые будет особенно понятно, что его гнев и страдание, его любовь и благословение миру объясняется тем, что он с самого начала пути осознаёт себя русским писателем во всей глубине и ответственности этого понятия.

Сегодня мы плохие дети своей традиции и предпочитаем укрыться в игре и необязательности перед словом. Всяк сам себе закон и традиция. Литература от этого стала эффектнее, цветистее, но ощутительно легче. Трагедии перестали быть страшны и спасительны, а комедии смешны и очистительны. Литература, по слову А. Битова, стала профессиональной, то есть перестала быть русской литературой. Это не парадокс. Это печаль от сознания того, что мы оставляем, какой континент покидаем, чтобы расселиться по, может быть, уютным и комфортабельным, но слишком малым для просторного русского сердца островам.

Книга Виктора Петровича возвращает космос земного и небесного глубинного существования и оказывается неожиданным портретом действительно живого, яркого, ни минуты не пребывающего в покое сознания. В книге будет видно, как он жадно, как радостно учился и совершенно естественно, что так же яростно учил, как ни клялся, что всякое поучение для него нестерпимо. Из письма в письмо он спрашивает товарищей, читали ли Солженицына, Стейнбе-

ка, Носова, Сервантеса, смотрели ли в кино и театре Товстоногова, Дзеффирелли, слушали ли Бетховена, Альбини, Свиридова? И тех, кто ближе, кто вокруг, — смотрели ли, слушали, читали? Ему хотелось, чтобы все были связаны единством делания и общностью любви.

И мне уже не терпится привести одно из астафьевских писем сибирскому писателю Владимиру Колыхалову, написанное по прочтении его романа «Дикие побеги», вышедшего в «Молодой гвардии» в 1968 году. Прочитать это письмо вместе с вами, чтобы подстегнуть ожидание книги самого Виктора Петровича, вспомнить, как говорили друг с другом русские литераторы, как знали они дело, которому служат, и как следом за Пушкиным и Тютчевым, Толстым и Буниным, Шмелёвым и Зайцевым отвечали за него. Если бы мы сегодня слушали произведения своих товарищей так же любяще и строго, если бы так же спешили поместить их в контекст золотой традиции, мы не только читали бы другие книги — мы жили бы в другом обществе, где слова «свобода, история, человек, будущее» были бы полны смысла, а Бог и великие писатели прошлого улыбались бы нам и не давали сбиться с пути.

Виктор Астафьев — Владимиру Колыхалову

16 апреля 1969 г. Вологда

Дорогой Володя!

Ну и толстую же книжку ты написал! Читал я её, читал... Я ведь толстые книги сейчас читаю трудно и долго — глядело моё послабело, и голова побаливает. Но твою добил — оттого, что люблю книги сибиряков. В них у талантливых, разумеется, авторов и не наезжих, а коренных сибиряков — всегда покоряет выпуклая образность, сочный и богатейший язык, сочная природа. Наш грубоватый, не подмазанный крылышком юмор, не вымученная, не выставленная напоказ честность и правда. Правда непосредственная, неотразимая, как жизнь, которая вроде бы как сама собой разумеется и потому её обычно принимают и воспринимают без ахов и охов и никакой излишней подозрительности к ней не проявляют. Такова уж она, настоящая правда: её или принимают целиком, или отвергают, но тоже целиком, ибо она неделима и неотделима эта «исповедальная проза».

«Верха» наши, наторевшие в надзоре за словом, совсем не случайно относились к этой прозе снисходительно — она была безопасна и «безвредна», ибо скользила по верхам событий и жизни, шибала больше в нос и не трогала сердца. К такой литературе во все времена все привыкали очень быстро, а настоящего слова, по справедливому и потому уже осуждённому в «Огоньке» замечанию Гранина, Россия всегда боялась.

Твоя книга написана в лучших традициях сибирской прозы, которая была и осталась, по моему глубокому убеждению, лучшей и определяющей в прозе 20-х и 30-х годов. Зазубрин, Ошаров, Петров, Иван Кратт, Шишков, Березовский, Жуков, Сейфуллина, Вс. Иванов,

Черкасов (покойный, а не живой!) и множество других сибиряков зачали советскую прозу и продолжали её с новейшим живописным блеском, они как бы изголодались по живому слову, по живому разговору, в душах их скопилось столько красок, столько живописных образов и эмоциональности, что они её выплёскивали удало, безудержно, темпераментно и иной раз одной страницы (у Шишкова, например) иному современному столичному «художнику слова» хватило бы на целый роман — так они бедно заряжены жизнью, так мало видели и пережили.

Всё это присуще лучшим сибирякам, как бы само собой перешло к нам. Да и как могло быть иначе? Мы же росли и выросли на этой литературе! И всё это ярко, зримо и вещественно присутствует в твоей книге.

Но я глубоко убежден, что сибиряки наши, если бы дали им возможность созреть, жить и работать, вспомнили бы в конце концов, что до них были Достоевский, Толстой, Чехов, Бунин — в прозе, Пушкин, Блок, Некрасов — в поэзии, которые умели — да ещё как! — писать, и образно, и живописно, и удало, и правдиво и... как хочешь. От стихийной, порой «голенькой» прозы они постепенно переходили к мысли. А если уж шла война, то и её описывали, и не одними батальными сценами отделялись эти воистину мудрые художники, мятущийся человек появлялся у них на позициях. И мятущийся, чего-то ищущий граф, и мужичок, со «своих позиций» пытающийся понять себя. Если уж нищий студент угрожал старухе, то за него нравственные вопросы решал не всезнающий майор Пронин или мимо ехавший и случайно завернувший в роман секретарь обкома, а сам он, студент, обращал свой взор вокруг и в самого себя. И всё вокруг постигал — и высшую нравственность, и падение — путем мучительного размышления над сущностью человеческой жизни, над её величием и мерзостью.

Тургеневы, Достоевские, Толстые достигли высших вершин в слове, потому что сделали слово мыслительным, и, мало того, пошли дальше, забрались туда, откуда возникает эта мысль — в человеческую душу.

Увы и ах! При всём блеске прозы 20-х и 30-х годов, особенно сибирской, она лишилась основного достижения нашей русской Великой литературы. Она изображала — и только. Она, захлебнувшись, спешила вперёд, летела, подхваченная запущенной во всю мощь и на всю «железку» круговертью событий и собственной жизни. Ещё раз говорю: дай ей время приостановиться, осмотреться, поразмыслить — литература эта непременно пошла бы вглубь явлений жизни, занялась бы самоанализом и осмыслением вновь народившегося общества.

Я думаю, не случайно почти всю сибирскую литературу вырубали под корень. Кто-то инстинктивно почувствовал, что она, если не представляет, то будет представлять опасность. Такие мужики, как Зазубрин, Петров и Ошаров, очень много знали и даже сотой доли того, что знали, ещё не только не выложили на бумагу, но и не коснулись. И они-то в первую очередь и пострадали. Оставшиеся в живых Шишков, Сейфул-

лина, Иванов были травлены литературными гончими и по существу загнаны в угол. Взамен им хлынула в литературу та самая хевра, которая «счастье в том находит, что хорошо на задних лапках ходит».

Думаю, ни Зазубрин, ни Петров, ни тем более Павел Васильев не написали бы в самые страшные годы слов: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...»

Именно потому, что они, настоящие бойцы-коммунисты, люди с чистой душой и прекрасной биографией, не делали этого и не сделали бы, их и не стало.

Не стало их, нашлись другие, те самые, которые для нас, мальчишек, писали книжки («Я сын трудового народа», «Белеет парус одинокий»), готовя из нас патриотов и тех самых бойцов, которые потом с этими книжками умирали в окопах, а авторы держали в столах или в душах уже заготовки «Трав забвения» или «Святого колодца», чтобы отречься от того, что они делали раньше, умыть руки, по существу предав нас, смотревших им в рот и верившим на слово. «Пора подумать о душе», — пишет Катаев в «Траве...». А о какой душе-то? Души-то нет! Там уже банная мочалка, которой Катаев и иже с ним натирала спины в общественных банях всем, кто казался им шире спиной и влиятельней. «Его пример — другим наука!» Что и говорить, они многому нас научили, прежде всего тому, что жить и работать в литературе так, как они, нельзя — это подло!

Вот я и подхожу к той мысли, ради которой и развёл всю эту прелюдию и которая, так сказать, навеяна твоей книгой. Литература наша сейчас в лучших своих книгах мучительно пытается пойти вглубь, вернуться к тому, что было ею уже достигнуто и развито, и пойти дальше. Логика жизни неумолима. Она требует этого от всякой созревшей или полусозревшей литературы. Всё чаще и чаще в книгах талантливых людей делается видно, что они (пусть и запоздало, с издержками, со скрипом в мозгу и в костях) хотят приблизиться к работе Толстого и Достоевского, не повторяя их, не эпигонствуя, не воображая, что им дан Богом тот же талант, а ориентируясь на их совесть, самостоятельные взгляды на жизнь и явления общественные.

И снова как прежде! Только начала наша литература заглядывать вглубь, только приступила к осмыслению окружающей действительности, как её начали трясти за грудки и гнать. Вперёд! Вперёд без остановки. Некогда остановиться, некогда думать. Помогайте, раз вас кормят, решать хозяйственные и строительные вопросы. А в души заглядывать себе и другим — это потом, это непозволительная роскошь, это — самокопанье! Кому оно нужно?

М-да-с! Цепь снова замыкается. На щит уже снова поднимаются Бабаевские, Семенихины, Андреевы, Горбачёвы, которые, опять же по сибирскому выражению, трём свиньям пойло не сумеют разлить, а берутся писать и решать нравственные вопросы. Но как может решать эти вопросы человек, будучи сам совершенно безнравственным, бездарным, оголтело давящий всё талантливое вокруг, чтоб утвердить себя и посредственность, коя ему ничем не угрожает.

Сложный сейчас стоит вопрос перед каждым, чес-

тно и даровито пишущим человеком. Куда и с кем идти? Стоит он и перед тобой, Володя, да ещё как! Ты, может быть, и сам того ещё не осознаешь, переживая счастливую литературную юность. Книга твоя хороша, слов нет. Но вся она пока ещё от стихийного таланта, неорганизованного, невзнузданного. Я не случайно вернулся и перечитал предисловие Залыгина. О-о, это мудрый мужик! И предисловие он тебе написал осторожное и мудрое.

Книга твоя ещё очень бытописательна. Её можно где угодно остановить и ещё сколь угодно продолжать. Из неё можно вынимать целые куски, главы и даже части — и ничего не изменится. Из неё можно вынимать людей или добавлять. А людей в книге целые роты и полки. А смертей сколько! А событий! И все они, за исключением главного героя, исчезают куда-то, как пешки с доски, — отыгрались и долой! Многие умерщвлены без всякого лукавства, по одному принципу: так в жизни бывает или было. С середины книги становится утомительно следить за судьбами людей, читать необязательные эпизоды и целые главы. Пятая, да и четвертая часть, начали уже дробиться на эпизоды, и запоминается потрясающая новеллка, как утонул внук Ивана Сосипатьевича и как был убит председатель колхоза. Остаётся в памяти сенокос и ещё кое-что. А остальное уже вяло написано, многословно. Ну вот, спроси ты сам себя: зачем столько страниц написано о медвежонке и как два дурака травили его?

На стихии таланта, на достоверности материала, на добротном языке и добром юморе, неторопливой и достоверной интонации стоит твой роман, который точнее бы назвать бывальщиной и которую так любят у нас читать, везде и всюду. Ну, а дальше что?

Можно гвоздить дальше на этом же уровне, эксплуатируя биографию и дарование — это очень простой и легкий путь. А если по-другому? По тому, о чём я, совсем неспроста, толковал почти всю остальную часть письма.

Ох, трудное это дело! Повесть «Перевал», написанную по тому же принципу, что и твои «Побеги», и о том же — я писал несколько месяцев, и её напечатали мгновенно. А хвалили-то как! Вздох! Повесть «Пастух и пастушка» (того же размера — 6 листов) пишу уже третий год и конца работы ещё не видно, и я совершенно не уверен, что кто-либо решится её печатать. Пишу о своём примере не ради хвастовства, а потому как он ближе.

В заключение моего затянувшегося письма прошу тебя воспринять всё тут написанное как субъективное, товарищеское и ещё вызванное тем, что ты сибиряк, а значит, родня, перед которой лукавить грех.

Желаю тебе работы и творческих мучений, которые совершенно всем нам необходимы, особенно сейчас.

Жму руку.

Виктор Астафьев

1. «Я созвал нежданных гостей» — переделка стиха из «Черной шали» Пушкина одной из приятельниц. — Ред.
2. С.Н. Глинка и няня Василиса шутивно сближены Пушкиным в качестве поборников родной речи. Глинка осуждал галломанию; няня Василиса (персонаж комедии И.А. Крылова «Урок дочкам») требовала, чтобы её барышни «жаловались» и «бранились» по-русски. — Ред.

ЧЕЛОВЕК И КРЫСА

/рассказ/

Полина Ивановна Котенок (литературный псевдоним – Паланея) родом из Сибири. Девочка из бедной крестьянской семьи, она всего в жизни добивалась сама, собственным трудом, упорством, верой и талантом. Её манера письма очень своеобразна: это особый жанр, который в народе обозначен словом «бывалина». Не сказки, не легенды – реальные истории, произошедшие с реальными людьми, изложенные самоцветным, из глубины веков пришедшим словом. Все эти короткие «байки», миниатюры о домовых и привидениях, о детях и взрослых, о зверье и птицах пронизаны предвечным знанием жизни (Паланея – наследственная целительница) и огромной любовью к людям. Сама она так пишет о своем творчестве: «По крохам, по крупичкам приходится собирать, порой выжимать из глубины тихой памяти и души народные знания, премудрости, загадочные случаи. Эти и другие бисеринки знаний проникают в наш быт из преданий старины глубокой. И хотите – соблюдайте их, хотите – нет».

Самобытность письма Паланеи Котенок оценена по достоинству не только земляками-слушателями, но и профессиональными литераторами: в 1997 году П.И. Котенок принята в Союз российских писателей, а спустя несколько лет награждена почётным знаком «За достижения в культуре». Она – почётный житель города Партизанска и желанный гость во всех школах и клубах, библиотеках и домах культуры края. Автор книг «Еводека», «Отшельница Фоломея», «Вся жизнь – загадка». В ближайшее время должна выйти в свет её четвертая книга прозы. Произведения Паланеи Котенок публиковались во многих столичных и региональных изданиях: «Советский шахтер», «Природа и человек», «Дальний Восток», «Грани», «Литературный Владивосток» и других.

Поздравляя Паланею Ивановну с юбилейной датой, желаем ей здоровья, счастья и неиссякаемого творческого вдохновения!

В жилах Егора Трухина текла хилая кровь, и потому он оказался не цепким ни до чего в этой бросово-гулкой жизни. Безработный и бесприютный в огромном людском море, он ощущал себя махонькой песчинкой, гонимой потоком воздуха в неизвестном направлении. В свои тридцать пять лет он не женат – ни одна баба за него не уцепилась на семейную жизнь. А пожилым родителям многовозрастный сын уже ни к чему. И теперь, шатаясь по городу, он прикипел взглядом к доске с объявлением, извещающим о сдаче жилплощади. Вот это пойдет: «Сдаётся квартира недорого на три года», – вычитал. И поехал по адресу. «Зайцем», конечно же. Подошёл в самый раз: семья, имея билеты на руках, сунула Георгию ключи от квартиры, села в такси и укатила.

Оставшись один на один с голыми стенами, Георгий радовался крыше и относительно своему углу. Ему невероятно повезло. Две комнаты закрыл, стал жить в зале – одному много ли надо квадратов? После невесть где раздобыл железную койку, насобирал на окраине досок и сколотил стол. Мало-помалу обзавёлся чашкой, стаканом и ложкой. И на работу устроился временно грузчиком в магазин. Но хилому физический труд не под силу, и он вскорости ушёл. Определился дежурным на проходной фабрики. Монотонность и нудность дежурства ему тоже надоели, к тому же он дружил с бутылкой водочки. С нею, с разлюбезной, разговаривал о дневных своих делах по работе, называя её ласково «подруженька». У холостяка закуска не ахти какая: сухая корка да хвост селедки. Наговорившись с «подруженькой» и уронив пьяную голову на стол, Георгий засыпал.

Тогда-то и выходила на промысел крыса. Наперво она шастала по столу, подбирая объедки, и даже, встав на задние лапки, нюхала содержимое недопитой бутылки. Явно не насытившись, крыса обследовала всю квартиру: ненароком не залежалась ли где какая съедобность? Но ничего больше не найдя, восвояси уходила. Подкормившись, хотя и не досыта, с бедного стола, в своей норе она чистилась, довольная сосуществованием с одиноким человеком. Век бы жила возле этого забулдыги. Так было с месяц.

Как-то пьяный Георгий за столом задремал, но от возни приподнял тяжёлые веки и различил крысу с хитрыми глазками, светловато-пепельной шерстью и длинным хвостом. Был бы трезвый, среагировал бы иначе, а он пустился в разговоры:

– А-а, в гости, значит, пожаловала. Жрать захотела? Ну ешь, чо найдёшь. А я-то в думах потерялся: куда это хлеб со стола исчезает? Ну и удружила ты мне! В хлебницы приписалась. А знаешь, соседка, я сам себя кое-как прокармливаю. Не думай, что все свои рублики пропиваю. Ну, выпью бутылочку за день – и хорош! А ты водочки не хошь попробовать? Нет? Не съедобна она. Это тебе. А человеку нужна, даже вкусна. Вот ты хлебушек управила и крошечки собрала. А у меня на завтра – ни рублика на ломтик. Значит, будем голодовать, соседка.

Крысе понравился говор человека и доброта его – тоже. Она не трусила и не спешила уходить, продолжая обследовать подоконники, поднимая мордочку кверху, вынюхивая, не появилась ли, случаем, где полка со сне-

дью. Человек, он с мозгами: сегодня разрешил насесть на хлеб, а завтра упрячет его повыше. Тогда попробуй запрыгни! Хотя она не зря – крыса, зайдёт и запрыгнет хоть куда и выйдет хоть откуда. Имеет уникальную способность деформироваться, а попросту – в «лепёшку» превратиться. Щелей нигде не будет, а она всё одно уйдёт. Потому она и наглая, что всегда сможет увернуться от злодейской руки человека, её в угол не загонишь.

Три дня приходил Георгий домой навеселе – около пивнухи угощали. А вот на столе – ни крохи.

Крыса тоже приходила к столу каждый день и, не обнаружив никаких запахов съестного, демонстративно уходила.

Георгий ей вослед:

– Поищи-ка, Длана, харчу в другом месте. – Как-то сразу на ум для неё имя пришло. А как без имени-то? Крыс разных много. А эта...

Но весь вид и поза крысы безмолвно изрекали: «Дурак-человек! Я привыкла к тебе и потому уж, как придется, будем держаться вместе».

Спелым утречком Георгий набросил на плечи рубаху-распаху, по комнате метнулся туда-сюда. Да внезапно углядел на столе сторублёвую бумажку.

– Эт что за новость?! – озадачился. – Нет, нет, я не крал. И не занимал. Память пока на месте. Кто мог их положить? Вот вопрос выше волос. У меня никого не бывает, – вслух рассуждал, не веря своим глазам.

Но первое замешательство прошло. Георгий приуспокоился и наконец решил взять деньги. А ещё через пару минут пустился в магазин за снедью. Накупил всего полную авоську. Ну а бутылочку-подружечку обязательно. Как же без неё при таких-то денежках? Их теперь ему хватит на целых две недели.

Полмесяца человек и крыса жили безбедно. Ну а потом? Всякий раз, как только Георгий сообщал Длане, что на завтрак у него нет ни «копья» на хлеб, утром на столе появлялись деньги. Конечно же, Георгий догадался, что их приносит Длана. Но откуда? Попытался проследить за нею, да куда там! У неё столько ходов-выходов, и бывает она там, куда глаз человеческий не проникнет. Крыса приносила и по две бумажки, и Георгий даже купил себе свежую рубашку и пиджак, хвастаясь перед Дланой. А животинка только хитро-умными глазками озираала Георгия, дескать, видишь, как мы необходимы друг другу?

Как-то Георгий вспылил:

– Где тебя носит двое суток?! Я ей жратву оставляю, а она не появляется. Чо, лучше меня кого-то нашла? – забеспокоился не на шутку. И тут же голос его потеплел: – Длана, я привык к тебе. Уж не оставляй меня. Ты-то без меня не пропадёшь, а мне без тебя – хана.

Длана покорно три раза замедленно крутнулась перед человеком, давая понять, что она – его покорнейший слуга. А ещё она поправилась и располнела – вынашивала крысят...

Однажды Георгий привёл сотоварища к себе на выпивку. Гостеван сидел в комнате один, ожидая приготовления на стол. И вдруг появилась Длана в самом хорошем расположении духа: она ведь тут своя. А ты кто такой? Гостеван не подрастерялся, схватил поблизости лежащий молоток и метким броском угодил доверчивой крысе в голову. Длана упала, подёргивая лапками, и обмякла. Она больше не встала.

Вернувшись в комнату и узнав от сотоварища о случившемся, Георгий пустым кулём опустился на стул, замер в оцепенении:

– Что ты натворил! – с болью в груди повторял Георгий.

– Крысу жалко? – недоуменно спросил гость.

– Ещё как, – заслезилась глаза Георгия.

Он плакал не только потому, что лишился источника пропитания, но и потому, что убита его единственная привязанность к живому существу.

Где же доставала крыса деньги? Она просто-напросто их крала в магазинах. По какому-то инстинкту. А может, уже был опыт. Приходится только догадываться. И вообще крыса – умное животное, особенно если она в содружестве с человеком.

ОФИЦИАЛЬНО

**ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ
ТРЕБОВАНИЯ,
ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ
К ПРИСЫЛАЕМЫМ
МАТЕРИАЛАМ**

1. *Произведение присылается ОДИН раз.*

2. *Отдельные произведения печатаются на компьютере или печатной машинке (в крайнем случае – пишутся печатными буквами) с двойным интервалом. На обороте листа НЕ писать и НЕ печатать.*

3. **КАЖДЫЙ** лист должен быть подписан в правом верхнем углу: фамилия, имя автора (**ПОЛНОСТЬЮ**) и наименование населённого пункта (в том числе – каждое произведение в электронном виде).

4. *Фотографии принимаются ТОЛЬКО КОНТРАСТНЫЕ, высокого качества.*

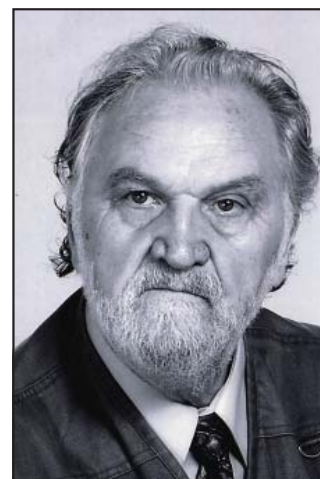
5. *Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (электронный адрес указан в выходных данных).*

6. *При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора **Владимира Александровича КОСТЫЛЕВА.***

Материалы, не соответствующие требованиям, а также работы, написанные неразборчивым почерком, и тем более – ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **НЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ принципиально и в работу НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.**

Из сфер НЕВЕДОМЫХ...

Александр ЕГОРОВ,
г. Владивосток

В горах

Закончилась зимняя стужа,
Проклюнулись стрелки травы.
Ступаем по каменным лужам
Давно позабытой тропы.
Карниз приютил можжевельник,
Но камни срываются в ад,
На пёстрый людской муравейник
Нельзя оглянуться назад.

Дотронуться ломаной тени
Парящего в небе орла,
Боясь, что движенье заденет
Нависшая сбоку скала.
Почти бесконечные горы,
Помятые снегом бока.
Не ведая точки опоры,
Плывут и плывут облака.

Осенний звук

Кому зима грозит,
Кто слышит звук хрустальный?
Чу! Дождик моросит
По синусоидальной.
Застынет на стерне,
Замрёт в полях окольных,
Взберётся по стене
До самой колокольни.

Цепляясь за карниз,
Пройдёт по гулкой крыше
И снова канет вниз,
Став никому не слышен.
Отбросив ложный страх
Пред зимнею грозюю,
Рассыплется в кустах
Калиновой слезюю.

Транссибирский тоннель

С утра бойца сверкает штык,
Отогреваются суставы,
Чуть-чуть сжимается кадык,
Когда проносятся составы,
Всего за сутки два ли, три
(вот так спланировала бездарь),
С какой отметки ни смотри,
А под ногами – только бездна.

Совсем не ведая добра,
Досаду, тайну ли скрывая,
Дымит горбатая гора,
Утробный голос подавая.
В её боку пробит тоннель,
А по хребту загромок хвойный,
Одетый в пёструю шинель,
Почти с рожденья подконвойный.

* * *

Как некая дань колесу,
Парит высоко в небесах,
Избушка в дремучем лесу
Стоит до сих пор на часах.
Фундамент – четыре столба,
Скрипучая дверца вовнутрь.
Отчизны больная судьба
Не может спокойно вздохнуть.

Как флюгер, вращается дверь,
И слышно её за версту.
Так, не замечая потерь,
Подчасок стоит на посту.
Предзонник, поросший травой,
Колючка в четыре ряда.
Висит над его головой
Неведомо чья-то звезда.

* * *

Возможно, нету доли лучшей
И выше полога небес –
Не видеть за окном колючки,
Не ощущать бетонный вес.

Что в грустном поле
первозимник,
Набитый снегом тёмный лог,
Идущий по дороге схимник,
Возможно, что на ваш порог.

Но вам тепло, чудесно спится,
Стремится совесть в облака,
Укрыто сердце черепицей,
Двойной мембраной чердака.

Плот

Как решето небесный купол,
Под ним притихшие кусты.
Дождь падает на землю скупо
Из неизвестной высоты.

Из сфер неведомых и дальних,
Господних первозданных вод
Несёт по синусоидальной
Землян нерукотворный плот.

По галактическим утёсам,
Среди космической пыли,
По угрожающим откосам,
Почти свихнувшейся земли.

Рождение соплеменника

Гортанный, вряд ли человеческий,
В глухой ночи раздался крик.
Родился мокрый, узкоплечий,
Судьбой отмеченный старик.

Он густо пахнет плотской
тиной,

Сжимает пальцы в кулаки,
Не осязая паутины,
Что расставляют пауки.

Так жить ему до смертной муки,
До тяжкой гробовой доски,
И вряд ли смогут даже внуки
Его избавить от тоски.

Колебание

Разделим жизнь на чёт и нечет,
Удачу так скорей найдём,
Пойдём смотреть,
как в небе кричат
Зерно пшеничное клюёт.

А нет, – тогда впряжёмся в лямки
И подадимся в бурлаки.
Поскольку буром лезут в дамки
Лишь наглецы и дураки.

Не станем снова тешить беса,
Наперебой его хвалить.
Раз мы не рабского замеса,
Тогда и нечего скульпить.

Останься, прошлое...

Вера ГУНДАРЕВА,
г. Артём

конкурс
9 Мая

Альбом достану мамин, старый,
Еще со сталинских времен.
Вот бабушка.

Вот брат с гитарой
На фоне праздничных знамен.
Вот парень,
что в меня влюблен...

В родне – чекист-НКВД-шник,
Профессор, мудрый и седой,
И старший брат –
великий грешник,
И средний брат – почти святой.

Брат младший –
разговор особый.
Мы были не-разлей-вода.
Помечены высокой пробой
Все наши детские года.

Ученики, друзья, соседи –
Помощники в любой беде...
К столу подсядут наши дети:
А это что? А это где?

Польется разговор неспешный,
И, поглощая грусти тень,
Свет прошлого, уже нездешний,
В сегодняшний вольется день.

Как много значит память наша!
Была не только благодать...
Лишь прошлое всегда подскажет,
Какого будущего ждать.

...Притихнув, разойдутся дети,
У них полно своих забот,
Но взгляд задержат
на портрете –
Дед в форме. Сорок пятый год.

Мне говорила в детстве мама,
Что зря над золотом чах Кощей...
... А правда, сколько в доме хлама,
Ненужных, бросовых вещей!

Они пролеживают место,
Свой век отжившие давно.
А в доме плохо. В доме тесно
И даже, кажется, темно.

Воспоминанья жить мешают,
Висят, как гири на ногах.
Нам дети юные внушают,
Что раритеты – тлен и прах.

Они живут в другой эпохе,
Гуляют запросто в Сети,
А мы – «шнурки», лентяи, лохи –
Как пни, стоим на их пути.

Ну что ж...
С достоинством отступим
И дальше будем отступать.
Всем по дивану завтра купим,
На свалку выбросим кровать,

Мешок одежды, и посуду,
И письма, и половики.
...И я нечаянно забуду,
Какой рукой писать стихи...

Размахался март ветрами –
То хлестнет дождем по раме,
То насыплет на балкон
Снега маленький вагон,

А потом еще тележку...
Все растопит, не помешкав,
В ночь такой мороз найдет!
Утром глянешь – гололед!

Обещают день погожий.
Буквой «зю» идет прохожий,
Лишь бы только не упасть
В эту скользкую напасть.

А к обеду слякоть снова...
Но заложена основа.
Отряхнув остатки сна,
Развлекается весна!

Останься, прошлое, со мною,
Побудь еще, не уходи,
Пока с асфальта пыль не смоют
Шальные майские дожди.

Словами старого романа,
Полынной горечью строки
Останься, прошлое, останься,
Чужим запретам вопреки.

Никак зима весны не одолеет,
Уменьем не осилит и теплом.
Опять метель
сугроб к забору клеит,
Опять дорогу снегом занесло.

Уже пора подснежникам
пробиться
И засиять над палевой листвой,
Но снова туча черная сочится
Холодной белоснежной крупой.

Когда ж – тепло?
Как хочется оттаять!
Чуть солнышко пригреет –
и опять
Закроет небо облачная стая
И ну на землю колкий снег
швырять!

Реклама предлагает нам круизы –
Там тишь да гладь,
да божья благодать.
Ах, зимние последние капризы
Перетерпеть придется,
переждать.

Пока еще скворцы не прилетели
И не поют ручьи-говоруньи,
Неровен час – заблудишься
в метели
В каком-то километре от весны.

Иван ШЕПЕТА,
г. Владивосток

ЗНАКОВО ЭТО ОТЛИЧИЕ...

ПАМЯТИ ПОЭТА АЛЕКСАНДРА РОМАНЕНКО

1. О СУДЬБЕ

Когда уходит в мир иной
Поэт, с которым был ты
в дружбе,
То тень от каждой запятой
В его стихах ложится глубже.

Всё, всё иной имеет вид,
И горизонт уходит дальше,
И каждый оборот звучит
Без прежней кажущейся фальши.

Что изменилось? Ничего.
Ни полслезинки, ни полслова,
И только нет теперь его,
Неисправимого, живого.

Седанских ясеней листва
Слетает осенью на землю.
Я слышу прежние слова,
Но жизнь умом, как миг, объёмлю.

Я несказанно удивлён
Среди рассеянной печали
Той музыке иных времён
И высших сфер, что прозвучали.

И – тишина, конец борьбы,
И зрители благоговейно немые...
Нет, не из слов, а из судьбы
Поэты делают поэмы!

2. О книге стихов «ПИСЬМА С ВОСТОКА»

Александра Романенко

Пейзаж наш – провинции заговор,
Здесь мыслей иное течение,
В Приморье не вишня, а сакура,
И это имеет значение.

Абстрактно и как-то безадресно
Мы пишем не песнями –
письмами,
И бьётся взволнованно радостно
Иное пространство у пристани.

Живём себе, напрочь лишённые
Московского горя-величия,
Берёзы – и те у нас жёлтые,
И знаково это отличие.

3. О ПАМЯТИ ВЕЧНОЙ

На мысе Песчаном,
на той стороне
И море, и небо в закатном огне.
Он также глядел вечерами туда.
Где неба огонь отражала вода.

По воле того,
кто отсюда незрим,
И мы это небо с тобой отразим,
Запутав в сетях
стихотворных силков
Струющийся пламень
в разрыв облаков.

Коль память потомков,
как воздух, легка,
Пусть памятник будет –
закат и строка
О мысе Песчаном, о той стороне,
О памяти вечной
в закатном огне.

Слагать стихи,
всё побеждая духом,
и о себе блаженно позабыть...
Мой идеал – быть зрением
и слухом,
а телом, по возможности,
не быть!

Случись беда, стекло наружу
тресни,
я окажусь во власти миража.
Там жизнь как есть.
Она не лучше песни.
Она конкретней, как удар ножа.

Как быть мне там,
где нет последней строчки,
берущей в плен незрелые умы,
где запятые – сплошь,
а после точки
«я» неизменно переходит в «мы»?

Нас всё меньше и меньше, и –
шаг до беды,
время наши повсюду стирает
следы,
как в китайском Харбине,
где даже не мстят, –
камнем с русских могил
тротуары мостят.

Остров Русский – а! –
бастионы пусты,
не разводят старшины бойцов
на посты,
лишь, забывшись, в туман,
как имперский сапог,
лижет море Японское –
Владивосток!

Под «Прощанье славянки»
ушёл гарнизон,
зарастает полынью у штаба
газон,
и в казармах разбитых
ночуют бомжи,
видя спяну имперские
сны-миражи.

Страна, в которой все
несчастливы,
лишь чиркни спичкой –
вспыхнет вновь,
стихи по-прежнему опасны,
когда они не про любовь.

Призыв к гражданственности
хмуру
воспринимаю,
я – иной:
я помню, как литература
гражданской кончилась войной.

К судьбине иной НЕ ВЗЫВАЮ

Виктор ДЕБЕЛОВ,
г. Арсеньев, Приморский край

Штрафбат

*Бывшему штрафбатовцу,
но оставшемуся патриотом России,
другу моему по литературному
корпусу Павлу Ивановичу Сергиенко.*

Штрафбат штурмует
высоту –
Там дзоты, пушки, миномёты,
Но надо взять высотку ту,
Откуда лупят миномёты.
Кричат «За Родину! – не в праве.
При с матом,
с криком «в Бога мать!»,
Коль плюнул ты в лицо Державе.
Штрафбат штурмует высоту,
Две сотни метров до вершины.
Огонь жесток, свинец во рту,
И под ногами рвутся мины.
Комбат схватился вдруг
за грудь,
Упал, и сразу стихли маты.
И продолжили свой путь,
Высотку взяли. Без комбата.

Штрафбат наш
выполнил приказ.
Ценой потери командира.
Штрафбат – а, в сущности,
спецназ –
Тропил огнём дорогу к миру!

Как по тонкому льду...

Я по жизни иду,
как по тонкому льду,
а вокруг полыньи, бездорожье.
Я большак свой ищу,
но никак не найду –
неужели всё так безнадёжно?
Мне судьбу не обнять,
на судьбу не пенять:
жизнь моя, словно в зиму качели.
И мне нужно всего лишь
фатал тот принять,
зябко пусть, но скорбить –
неужели?

Вдруг однажды с зарёй
да с рассветной порой
я сломаю безбожья устои,
обрету и большак,
и тепло, и покой –
неужели я их недостоин?
Ведь, презрев столько стуж,
во спасение душ
я не только зывал и молился,
но и шёл в полыньи –
под смертельный шёл душ,
лишь бы кто-то
в миру сохранился.
Да на каждой судьбе,
как на малой войне,
тонким льдом расстиляется
прожить,
и случается всем побывать
в полынье,
как бы ни были мы осторожны.

Я по жизни иду,
как по тонкому льду,
но к судьбине иной не взываю.
Может быть, оступлюсь,
поскользнусь, упаду,
только вновь поднимусь –
точно знаю!

Дорогая земля!

Кто сказал, кто сказал,
что село умирает,
что ему никогда
не подняться уже?
Тот совсем ничего
о российской деревне не знает,
о её родниковой –
хрустальной и чистой душе.
О медвяных лугах,
о полях, колосющихся нивах
и о чеках, где зреют на водах
риса,
здесь доярка и пахарь
умеют работать красиво,
потому что в работе
самой деревенской – краса!

Вот комбайны плывут по полям,
что хлеба нам даруют,
словно стелется
в чудо-полёте табун.
Я в восторге замру
и потрогаю радугу-сбрую
и на дождь наложу
на недельку-другую табу.

Кто сказал, кто сказал,
что залиvistой песне не время?
Что не в моде моя
деревянного сруба изба?
Но – смотрите: идёт
большаком, а не тропкой
деревня,
городским раздавая хлеба!

Дорогая земля,
вековая кормилица наша,
пусть над миром бушуют
во здравье и тлене года,
если даже умрёт
и само государство однажды –
не умрут ни земля, ни село!
Не умрут никогда!

Ночь полевая

Благодать. Тишина. Вечереет.
Звездопад в небесах всё смелее.
Паутинки качают качели,
и играет сверчок на свирели.
Ветер спрятался в ветках
берёзы,
притаились за облаком грозы,
и зарница остыла, погасла,
и луна – как лампада на масле.
В чистом поле горит
костровище –
здесь моё этой ночью жилище.
Угольки отлетают
расстрельно,
И играет сверчок на свирели.

Только НЕ ЗДЕСЬ...

Мы не будем уже, мы не станем

Мы не будем уже, мы не станем
Тяжелеть – наливаясь грозами.
К нам крадутся ответы –
не ждали –
Оставляем кивочки
простенькие.
Не разводим огня и сложностей.
Не показываем на простыни:
Вот она! – Указательными
пальцами.
Вот она! – Костяным крошевом.
Весело месиво распускает
жабры.
Раздаем рис, муку и автографы.
Раздаем – встречаем.
Богу – Богово.
В нашем логове
Отвратно пахнет раем.

Жду, когда снег станет каменным

Жду, когда снег станет
каменным.
Буду бросать тебе в окна –
смеяться.
Снова кольцом за кольцо –
оправдание.
Ночь и полцарства
Ты за меня – и в общественном
транспорте –
На полчаса, ближе некуда –
слитно!
Рвем мимо шва и теряемся
в частностях,
Между коктейлями,
между затяжками,
В ласках и лицах привычных.
Сколько ты выдержишь?
Напрочь и наглухо
Пережимать – а попробуй
без воздуха!
Скомкаем простыни,
выветрим запахи,
Крикнем истошно.

Сослагательное

Если бы мне обознаться –
взять
И каким-нибудь теплым
тягучим вечером
Под свою кожей не увидеть тебя.
Рассечь – и тебя не заметить.
Пополам, поровну –
половину тебе
И тебе без меня,
Через два квартала.
Я не скрою – без крови
дышится легче
легкого,
Только не здесь,
Только не без
Нашатыря
И твоего запаха.

Не обойти

Не обойти. Из-за угла
Не выглянуть. Я по периметру
Всех городов твоих прошла,
Споткнулась обо всех
отринутых.
И даже жалость не смогла
Ладони вывернуть упрямые.
Любуйся: вон, из-за угла –
Навскидку и с плеча по самое...
А дальше – с вывертом к душе
Вопросы примерять животные.
Так легче? Не болит уже?
Не треплет зимнего исподнего?
А дальше подворотен лед
Безвкусный – каплями
за шиворот
Течет тоска. Сегодня – чёт,
И я соскальзываю в мыльные
Твои глаза.

Нежно

Нежно? – куда там! –
вразлет окалины.
На спор глушу волдырями.
Каждую впадину цепкими
пальцами –
Сходится? – проверяю.

Намертво – вряд ли придумали
крепче,
Намертво – и по живому.
Может быть, завтра,
Может быть, сердце
Выболит, не остановит
Тебя – всклянь и вдрызг.
Тоже пропажа – чего там! -
Если привычнее до хрипоты,
Чем до икоты.
Жалко размазать остатки
по остроуму.
Колко. Растаять? – едва ли
Хватит тепла в твоём стылом
подвале,
Сточится –
И не узнаешь
Меня.

Смотришь сверху

Смотришь сверху –
зонты черные,
Бросить кирпич – и то не в кого.
Ну как не станет дней
солнечных,
И не воют от злости,
и не лезут на стенку.
Книжки, кофе и слезы
И обменники в лифтах,
Улыбаясь, автобусы
Ты заботливо спихиваешь.
На затворы запоры -
Не заметят подмены.
Заколочены норы
Чересчур откровенно.
Не до легких и мягких,
Не до здрастье в подъезде.
Жечь костры из бумаги,
Ждать пенальти и лезвий.
Указаний особых,
Указаний до черта.
И садиться в автобус
Без колес и без номера.
И смотреть вперед,
Приковавшись к поручням,
И считать повороты
Распоследней сволочью.

ИСТИНА СЛОЖНА

Вера КАРАМАН,
г. Владивосток

Вера Владимировна родилась в 1946 году в г. Александровске-Сахалинском. В 1960 г. приехала во Владивосток. Работает в школе иностранных языков. Стихи пишет с юности. Принимала участие в литературном объединении «Творчество» (ЛОТ). Её стихи выходили в альманахах: «Тихоокеанский прибой» и «Литературный Владивосток», в журнале «Смена» и др.

Издательство «Дальнаука» выпустило три отдельные книги её стихов: «И снова в марте выпал снег...» (2003), «Курильская тетрадь» (2004), «Приворотный чай» (2006).

Член Союза писателей России.

* * *

О былинках не принято плакать.
О, как мне жаль!
О, как неуютно и слякоть,
и листья – вдали.

Ну пройдишь
по тропинкам окрестным,
чтоб грусть – долой...
О, вечный, осенний и местный,
жестокий бой.

На опушках, в оврагах и в поле,
где я стою,
полегли золотые вои...
Два-три – в строю.

И сильна будет осень, покуда
для всех про всех
не повалит с небес, как чудо,
ах, белый мех.

А пока – отпекает дождик
попынь-траву,
повилику да подорожник,
лопух – во рву...

А пока – воспекает ветер –
мой друг, мой враг –
бузину среди голых веток,
родимый флаг...

* * *

В веках сойдутся вместе:
тишина,
благоуханье липовой аллеи,
гелиотропа веточка, луна
и матовые отблески над нею.

И чёрные деревьев кружева
сомнутся под весёлыми
шагами...
Ещё разлука да ещё молва.
И пусть положат
на дороге камень.

Он после будет в комнату
внесён,
на стол поставлен
в память о свиданье...
Ещё?..
Ещё должны сиять во всём
черты живые счастья
и страданья.

Тогда... О как же истина сложна –
луны, любви кому недоставало?..
Лукава, своенравна и нежна,
с лица чуть-чуть откинув
покрывало,

по саду – Муза.
Ветра круговерть,
и, выбрав наконец
мгновенье это,
устами, неизбежная, как смерть,
коснётся лба любимого поэта.

* * *

Январь. Тоска. Конец недели.
Приедет, нет ли,
ждать-гадать...
Ах, петербургские метели...
Курильские, ни дать ни взять...

Скрипит снежок,
летит лошадка.
Седок укутан в серый мех.
В кармане смятая тетрадка
сулит и счастье, и успех.

Скорей к вечернему пределу,
в глаза раскосые взглянуть.
И после чая первым делом
за стол, и почту развернуть.

Теперь покажется игрушкой
интрига ваша, Бенкендорф...
Летит затейливою стружкой
и метит в сердце сплетня...
Вздор...

А бал гремит, и свечи тают,
уж не осталось ни одной.
Кто эта дама в горностае,
к нему – лицом, ко мне – спиной?

– Не уходи! – метнулась к двери.
Камин затеплит хорошо.
Но жребий брошен, век измерен,
и на секунды счёт пошёл...

Дарёный жемчуг давит шею,
жжёт бирюзовое кольцо...
– Ты помнишь эту ворожею,
её глумливое лицо?..

Зима нам пела Аллилуйя,
мой горностаей
струился с плеч...
"Я Вас любил..." О, поцелуя
мне слаще эта Ваша речь...

Опять январь, метель, сугробы,
как выстрел, ветки стук
в окно...
Люблю до гроба, дальше гроба,
ты жив иль умер, всё равно...

* * *

Любимый мой цвет белый...
Белые, белые плечи...
Ах! Звуки такой несмелой
протяжной московской речи.

Любимый мой цвет жёлтый,
как пламя свечи, лёгкий...
Как ревность моя, жёсткий,
как тайна твоя, далёкий...

Любимый мой цвет синий,
почти васильковый. Нежный...
О где мне набраться силы,
чтоб спать ещё безмятежней?

И пусть на снегу – розы,
живые, как в час свиданья...
Как письма в разлуке дальней...
Стихи посреди прозы.

Любимый мой цвет чёрный...
Ночью везли морозной,
пустынной такой,
просторной...

О как скрипели полозья...

О, как горели звёзды,
падали – крупные зерна –
на кудри, лица возле...
Любимый мой цвет – чёрный...

О сколько ещё дела!
Солнышко выше, выше,
снова: капель с крыши,
шелест листвы слышен...

Запах малины спелой!..
Любимый мой свет белый!..

Листа свернувшегося бег

Сергей ПАГЫН,
г. Единцы, Молдавия

* * *

Бессмертие проходит тишиной.
Бессмертие проходит стороной,
весь мой улов –
лишь мелкая плотица.

Глотну вина.

Прокашлиюсь в кулак.

Крошится свет,
как дедовский табак,
комок земли в моей руке
крошится.

Как хрупко все живущее –
хоть плачь!

Вот горестный
надломленный калач,
в нем яблоко –
дарованная малость.

Вот свечка незажженная.
И вновь
ты говоришь: «Любовь, родной,
любовь...»
Я говорю: «Родная, жалость...
жалость».

* * *

Утешенье приходит тогда,
когда больше не ждешь утешенья:
осторожно заглянет звезда
в глубину твоего отрешенья.

Клюнет лист налетевший
в плечо,
терна шип оцарапает локоть,
и на уровне уха сверчок
станет в сумраке цвиркать
и цворкать.

Вроде малость, пустяк, ерунда,
но дохнет утешеньем оттуда,
где терновник осенний, звезда,
узкоплечее певчее чудо.

* * *

Все перемелет мельничка души:
бесславие, отчаянье, юродство.
Как ни пиши, как водку ни глуши,
но лишь слеза застывшая
сиротства

останется – волшебное зерно,
в наследство данное,
чтоб как-то в одночасье
со всюю мощью проросло оно
к живущему вниманьем
и участием.

* * *

К сорока у Бога просишь
спокойных снов –
неба мягкого,
словно проселка пыль,
яблока в палых листьях,
неспешных слов,
пустоши, где сияет сухой ковыль.

Осень сулит покой, а его все нет
ни во снах, ни, тем более, наяву.
У окошка голого – табурет,
над окошком – ангел дудит
в трубу,

из бумаги вырезанный да за нить
к потолку подвешенный
век назад.
Господи, как темно мне порою
жить,
словно перешел я небесный сад

и по мгlistой пашне теперь
бреду...
И ни снега здесь, ни свечи одной.
И надежда вся,
что пройдешь версту –
перелесок светится золотой.

* * *

Пойму ли я душою сонной,
какой сквозь дрему зимних вод,
сквозь ветер медленный
и темный
великий зов ко мне бредет?!

За сном,
за сумерек покровом,
в инобытийной стороне
какой мне праздник уготован,
какая милость брезжит мне?!

И что там вяжется, плетется?
А впрочем, здесь от тех щедрот
в осадке мутном остается
натужный стих,
бубнящий рот,

и пот, и чад, и по суглинку
листа свернувшегося бег,
и хруст ледка, и скрип ботинка,
и снег, конечно же, и снег...

И чуда краткое мерцанье,
как в бедной местности родной –
надмирной бабочки касанье
бесшумной,
шалой,
голубой.

* * *

Как будто силой центробежной
я брошен в сонные двory,
куда зима тропинкой снежной
несет нехитрые дары...

Что там – в мешке у сей старухи:
тревогу прясть - веретено,
суглинка мерзлого краяха,
тоски прокисшее вино?

Зимы угрюмо бормотанье.
И на пронзительном ветру
души все пристальней вниманье
в дыму житейском и пару

к вещам, подсвеченным грошовой
свечою скорби, к тишине,
прозрачной музыки лишенной,
к фольговой бабочке в окне,

к подаркам зимним, неминучим,
к сухой шиповника листве,
к слезам, и сладким, и горячим,
в платке, на детском рукаве.

И пусть за них не ухватиться,
но и в слепой посмертной тьме
фольговой бабочке светиться
в летящем скошенном окне,

и сердцу сумрачному мерно
тянуть тревоги долгой нить,
слезам гореть,
музыке меркнуть,
вещам о жизни говорить.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

**РЕДАКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНОГО МЕРИДИАНА» ПРЕДЛАГАЕТ
ПРИБРЕСТИ КНИГИ:**

КОСТЫЛЕВ Владимир. Два кофейных зёрнышка. Сборник коротких рассказов. – Арсеньев: Литературный меридиан, 2009. – 120 с. Цена 80 рублей (с почтовыми расходами – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. Свобода выбора. Верлибры. – Владивосток: Народная книга, 2009 г. – 92 с. Цена 70 рублей (с почтовыми расходами – 100 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. Вишнёвая косточка. Стихи. – Владивосток: Народная книга, 2004 г. – 168 с. Цена 80 рублей (с учетом пересылки – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. Разговор на языке души (переводы Эмили Дикинсон). Стихи. – Владивосток: Народная книга, 2004 г. – 148 с. Цена 80 рублей (с почтовыми расходами – 110 руб.).

ПРОТАСОВ Вячеслав. Шестая стихия (переводы Сайто Санэмори). Избранные хайку. – Владивосток: ORIENT, 2007 г. – 84 с. Цена 70 рублей (с почтовыми расходами – 100 руб.).

Указанная сумма перечисляется почтовым переводом на имя главного редактора «Литературного меридиана» Костылева Владимира Александровича по адресу издания с обязательным указанием цели платежа.

ВНИМАНИЕ!

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ литературно-художественный конкурс, посвящённый победе над фашизмом в 1945 году.

До 30 августа 2009 г. на конкурс принимаются поэтические, прозаические, публицистические произведения, а также фотографии, посвящённые участникам и событиям Великой Отечественной войны. Авторские работы высылаются по адресу нашего издания с пометкой на конверте «**НА КОНКУРС**».

Подведение итогов состоится в **ОКТАБРЕ** 2009 г.

Подписка-2009

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с **ЛЮБОГО** месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу: **692342, Приморский край, г.Арсеньев-12, а/я 16.**

**Костылеву
Владимиру Александровичу.**

**1 месяц — 50 рублей,
2 месяца — 85 рублей,
3 месяца — 120 рублей,**

**6 месяцев — 200 рублей,
1 год — 400 рублей.**

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку даже на номера, вышедшие с начала текущего года.

Для подписавшихся ежемесячно просьба указывать сроки начала и окончания подписки.

От редколлегии.

Просим наших авторов присылать корреспонденцию **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** по адресу **редакции**, указанному в выходных данных ежемесячника.

Кроме того, в очередной раз обращаем внимание подписчиков на необходимость соблюдения обязательных требований, предъявляемых к присылаемым публикациям (см. с. 27).

© **Литературный
меридиан**
В.А. КОСТЫЛЕВ

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 924-263-29-79
(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185
E-mail: Lm-red@mail.ru

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Пер. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Костылев В.А.

СОУЧРЕДИТЕЛЬ:
коллектив редколлегии.

Главный редактор Владимир КОСТЫЛЕВ
г. Арсеньев Приморского края

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ,
г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
(представитель в г. Хабаровске,
тел. 8 924-206-04-76).

Объём издания – 4,5 печатных листа.
Тираж 1000 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 17 июля в 17-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6»,
г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

**Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ**

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.